

МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

СЕРГЕЙ
ЗАЦАРИННЫЙ

ШВЕДСКОЕ
ОГНИВО

Мастера исторического детектива

Сергей Зацаринный

Шведское огниво

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зацаринный С.

Шведское огниво / С. Зацаринный — «Издательство АСТ»,
2023 — (Мастера исторического детектива)

ISBN 978-5-17-154677-9

1333 год. В столице Золотой Орды творятся таинственные дела. На постоялом дворе из запертой изнутри комнаты исчез постоялец. Откуда прибыл в Сарай чужеземец, назвавшийся пришельцем из закатных стран? Кто причастен к его таинственному исчезновению: колдуны из тайных обителей в мордовских лесах, болгарские купцы или папские посланцы? Почему его судьбой озабочена сама любимая жена хана Узбека, властная и коварная Тайдула? Разобраться со всем этим поручено помощнику сарайского эмира. Он еще не знает, как далеко заведет его след.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154677-9

© Зацаринный С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

I. Исчезнувший попугайчик	6
II. Похищенный джиннами	10
III. Старое логово	14
IV. Колдун из Магриба	17
V. Бронзовая птица	22
VI. Царевна Лебедь	28
VII. Как лаптой права угнать мяч царства	33
VIII. Дни трепета	38
IX. Венгерское вино	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Геннадьевич Зацаринный

Шведское огниво

Роман

*Неизвестного всегда больше, чем известного; предположений
больше, чем достоверностей, и сокрытого больше, чем очевидного.
Абу Хайан ат-Таухиди. Вопросы и ответы*

* * *

© Сергей Зацаринный, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

I. Исчезнувший попутчик

Первый день нового года выдался ненастным. Небо затянуло тучами, а из-за реки, из степи, на Сарай Богохранимый налетел порывистый ветер. Отшумело лето. Скоро облетят деревья, надвинутся от полуночи холодные ветра, принесут снег и стужу. Уже утихли роскошные летние базары, ушли в степь последние караваны, опустели пристани.

Южная пристань, которую в Сарае называли Красной, обезлюдела уже давно: корабельщики торопились уйти до наступления осенних штормов в Бакинском море. С северной Булгарской большая часть судов отчалила еще раньше – им нужно успеть добраться в верховья до того, как реки скует льдом. Там, за дремучими страшными лесами, на дальней Украине великой державы славного хана Узбека, уже, наверное, ударили первые ночные заморозки. Опоздавшие теперь смогут успеть доплыть по реке разве что до Укека.

В прежние годы уже почти никто не отчаливал в эту пору с Булгарской пристани.

Много перемен принес с собой наступивший 734 год от Хиджры – переселения пророка в Медину.

Еще летом из ставки хана пришло известие, что Узбек не будет, как обычно, зимовать в Сарае, а отправится жить в новый дворец, который для него уже целый год возводят выше по реке, за несколько дней пути отсюда. Знающие люди поговаривают, что на это подбили повелителя франки, которые в последнее время так и выются, как мухи, у его золотого престола. Благо им до него рукой подать – от их новых крепостей в Матреге и Тане до летних кочевий ханского двора всего день пути.

Народ, толковавший все лето об этой новости на сарайских базарах, чаще сходил на мысли, что добра от такого переезда даже больше, чем худа. Конечно, зимой будет немного скучней, зато тише. Без ханского двора с его вельможами, эмирами, слугами, стражами гораздо спокойней. А старые караванные пути, как и раньше, не минуют славный Сарай. Не перенесешь царским указом Бакинское море, древние, словно само вечное небо, дороги в Хорезм и Крым. Тысячелетний путь, соединяющий столицу верховного хана Ханбалык у самого восхода с золотым Константинополем и вечерними странами.

Значит, снова следующим летом сойдутся на многоголосых сарайских базарах купцы и путники со всего света. Не переведутся в амбарах здешних купцов драгоценные товары, а в сундуках менял звонкие монеты. Будет, как и раньше, богатеть и цвести под милостивым солнцем Богохранимый Сарай.

А ханский двор? Кому от него большой прибыль? Разве что пронырливым поверенным властителя – уртакчи, что обдeldывают свои дела с ханским имуществом. Эмиры и вельможи ведь по лавкам и базарам не ходят, а слуги их по большей части живут на всем готовом. Деньгами не богаты. Те еще покупатели.

С другой стороны, кто теперь будет брать драгоценные заморские ткани и благовония для своих жен, самоцветы и украшения, изысканные пряности и чудодейственные снадобья? Купцы прижимисты и практичны. Роскоши и блеску предпочитают надежность и дешевизну. Самый дорогой товар всегда предназначался эмирам и вельможам. Многие, не самые последние, торговцы в Сарае только этим и жили.

Как ни крути, кое-кому пришлось перебираться вслед хану к новому дворцу. Такие и грузились на последние корабли на Булгарской пристани. До октября уже рукой подать, нужно спешить.

Корабль, который должен был отчалить ранним утром в первый день 734 года, тяжело покачивался на мутной осенней воде. Скрипели уключины по бортам. Хороший корабль, быстрый, как рыба. На каждом весле по два гребца. Такой как птица полетит вверх по течению. Если бы отчалили, как и собирались, на рассвете, уже давно скрылись бы из вида на речном

просторе. Команда и путники заранее поднялись на борт. Побережник, ведавший прибытием и отплытием, дал разрешение. Стражники встали у сходней, чтобы никто лишний не прошел туда или сюда.

Корабль не отчаливал. Не было одного из путников, оплатившего дорогое место в кормовой каюте и загодя погрузившего туда вещи.

Побережник пил с кормщиком чай в закутке. Стражники угрюмо жались у самого причала, прячась от дождя под дырявым навесом. Несколько провожающих, кутаясь в плащи, переговаривались с одним из отплывающих, уже стоявшим на носу корабля.

Плащи скрывали одежду и головные уборы, но по повадке можно было догадаться, что один из них – важная птица. Немолодой уже, хотя быстрый и крепкий, с щегольски подстриженной русой бородой. Рядом с ним стояли сухой старичок, еще бодро обходившийся без посоха, и молчаливый юноша, не обзаведшийся пока даже усами.

Корабль был крепко притянут к причалу, и человек на палубе мог, облокотившись о борт, почти дотянуться до своих собеседников. Возраст мужчины было трудно угадать. Бритый подбородок молодил его по-юношески румяное лицо, но висячие на кипчакский манер усы уже тронула седина. Крепко тронула. Наверное, если бы он не сбрил бороду, она была бы совсем седой. Плащ человек оставил в каюте, потому что от дождя его худо-бедно скрывал плетеный из лыка навес над носом корабля. В руках он держал небольшой холщовый мешок, из которого время от времени доставал со скучающим видом шарики сушеного творога, который кипчаки любили брать в дорогу.

Отплытия ждали давно, с самого рассвета. Уже наговорились и устали.

– Ты так весь запас съешь, – пошутил старичок, – в дорогу ничего не останется.

– Ничего, – улыбнулся стоявший рядом с ним русобородый, – скоро уже доберется до болгарских краев. Там курт не чета здешнему. Красный, из топленого молока. В Сарае такой не делают – дрова дороги. – Он повернулся к юноше. – Верно, Илгизар?

Тот молча пожал плечами. За него ответил человек на корабле:

– У нас в Мохши такой не делают. Наши любят ряженку из топленого молока. Это в Булгаре любят красный творог.

Он стоял спиной к реке, по которой лежал его путь туда, в сторону Булгара, в сторону Мохши, но чувствовалось, что мысли путника обращены к Сараю, который он покидал. Он грустно смотрел туда, где за пеленой дождя проглядывал серый минарет мечети в Булгарском квартале, но взгляд его был таким же туманным, как вид расплывающегося вдаль города. Так смотрят люди, которые вспоминают о чем-то давным-давно минувшем.

Это лучше всех почувствовал старичок.

– В Мохши будет то же самое, Туртас. Ты не найдешь там ни того, что было, ни тех, кто были. Может, не стоит ехать?

Отъезжающий промолчал. Либо не знал ответа на этот вопрос, либо ответ был слишком печальным и очевидным.

– Для того, кому некуда плыть, никакой ветер не будет попутным, – сказал Туртас после долгого молчания.

Всем стало еще грустнее. Наверное, оттого, что само хмурое утро располагало к этому. Мертвая тишина на пристани, мутный призрак огромного города за пеленой дождя, темная, словно уходящая в никуда, дорога-река.

Оцепенение стряхнул русобородый. Было видно, что он человек действия.

– Долгие проводы – долгие слезы. Эй, ты! – повелительно окрикнул он стражника. – Покличь-ка сюда побережника с корабельщиком!

При этих словах русобородый будто ненароком приоткрыл полу плаща, из-под которой мелькнул золоченый шелковый пояс. Можно было этого не делать. Стражник и так превосходно знал, что перед ним наиб самого эмира Сарая, что на груди его под плащом красуется

золоченая пайцца с надписью «Кто не повинуется – умрет» и что на берегу, за пристанскими конторами, наиба ожидает конная стража из ханских гвардейцев.

Охранник не смог отказать себе в удовольствии заорать дурным голосом:

– Побережника и корабельщика к наibu светлейшего эмира!

Перепуганный насмерть смотритель пристани только сейчас разглядел, кто, закрывшись плащом, провожает корабль. Давясь недожеванным куском, он, низко кланяясь, торопливо докладывал на бегу:

– Путник занял каюту на корме. Навесил свой замок с печатью. Самого нет. Так бы давно вещи сгрузили и отправили. А замок с печатью ломать – дело хлопотное.

Наиб кивнул. Нежелание связываться с запертой каютой ему было понятно. Не будь замка, вещи уже давно сложили бы в мешки, опечатали и положили в контору на пристани. А так нужно проводить еще и осмотр каюты со свидетелями и описью. Действительно, проще подождать.

– Много товара везет? – спросил он корабельщика.

– Да нет, один сундук дорожный.

– А чего отдельную каюту занял? Слуги?

– Один.

– Кто такой?

– Назвался Иовом. Из Новгорода.

При этих словах наиб оживился:

– Сказал, где в Сарае остановился?

Корабельщик растерянно развел руками:

– Пришел позавчера, заказал отдельную каюту до Нового Сарая. Заплатил вперед, не торгуясь. Сразу приволокли сундук, навесили замок. А к отплытию не пришел.

Наиб решительно двинулся по мосткам.

– Ломайте! – Он повернулся к юноше. – Илгизар, возьми у них бумагу и чернильницу. Напиши все, что надо. Я свою печать приложу, чтобы разговора не было.

С замком вышла заминка. Дорогой и мудреный. С пружиной внутри.

– Такие обычно болгарцы делают. Просто так не собьешь – пилить надо.

Пилить не стали, оторвали скобу вместе с замком. Корабельщик только молча повздыхал.

Вещей действительно оказалось немного. Только дорожный сундук, как и было сказано.

Да еще в углу что-то вроде короба, накрытое холстом.

– Голуби! – удивленно воскликнул наиб, сняв покрывало.

Просунувшийся из-за его спины сквозь узкую дверь Туртас подтвердил:

– Самые лучшие, египетские. В наших краях таких не достать.

– Почтовые, значит? – Наиб строго взглянул на побережника. – А говорил, только сундук?

Тот смутился:

– Так ведь не купец, простой путник. Товара нет. Пошлину брать не с чего. Теперь вот сам ума не приложу, чего с ними делать. Сундук под замок положу, а птиц? Их ведь кормить-поить нужно. А подохнут?

Все молча смотрели на клетку.

– Давай я за ними присмотрю, – неожиданно подал голос Туртас. – Птички хорошие, дорогие, за ними особый уход нужен. А им, гляжу, хозяин даже воды налил еле-еле. Только семечек насыпал.

Наиб заметно повеселел. Ему явно было по душе, что Туртас остается. Он махнул стражникам, чтобы сгружали сундук, и сам взял тяжелую клетку с голубями.

– Все забираю. Если кто спросит о вещах – посылайте ко мне.

Тургасу собирать было совсем нечего. Вещей – один дорожный мешок. Он перекинул его на причал и забрал клетку у наиба. Вздыхнув облегченно, тот махнул корабельщику:

– Отваливай!

Стражники, обрадованные, что наконец закончилось торчание под дождем, весело схватили сундук и устремились вслед за наибом. Сзади плелся побережник. Когда уже поднялись от причала на берег, наиб недоуменно обернулся.

– Чего они не отчаливают?

Действительно. На корабле даже не убрали сходни.

– Ему бы поторопиться, сколько времени потерял, а он медлит.

Когда подошли к воротам пристани, где наиба дождалась конная стража, он обратился к юноше:

– Сбегай, Илгизар, глянь еще раз, чего они медлят? Только глаза им не мозоль.

Тот понимающе кивнул и побежал назад.

– Не нравится мне все это... – буркнул под нос наиб. – Что это за Иов Новгородец? Если он русский, то должен был в русском квартале объявиться. А у нас там о нем никто не слышал.

Наиб и сам был русским, из поповских детей. Не пожелав идти по стопам отца, смолodu подался на ханскую службу, в писцы. За долгие годы монгольский халат и шапочка стали для него привычнее рубахи. Жил по-прежнему в русском квартале, в доме отца. Так уж повелось. Мусульмане в Сарае селились больше по месту, откуда приехали: болгары с булгарами, хорезмийцы с хорезмийцами. Персы отдельно. Арабы отгородились в своем квартале. Православные селились своим приходом. Там у них были церковь, монастырь, палаты епископа. Квартал назывался русским. Принял черкес или бургас православие – перебирается сюда. И тоже русским считается.

Наиб не перешел по примеру многих в мусульмане после того, как хан Узбек тринадцать лет назад объявил себя султаном Мухаммедом, защитником ислама. Службе это не мешало. Хотя мусульмане в последнее время все больше забирали силу.

Вернулся Илгизар.

– Там еще один человек с корабля сошел. Передумал плыть.

Наиб почесал затылок:

– По всему видать, попутчик этого самого Иова. Соглядатай. Ты вот что, Илгизар: проследи потихоньку за этим человеком. Куда он подастся, кто такой.

– Думаю, парень этот не так прост, коли за кем-то следил, – неожиданно подал голос старичок, – и Илгизара он сразу заметит. Давай-ка лучше я за ним схожу. Мой ведь хлеб такой – с места на место слоняться. Все меня знают, никто не замечает. В любое место могу зайти – кто подумает что дурное на сказочника Бахрама?

– Вот и хорошо, – согласился наиб, – тогда приходи вечером ко мне в ханский дворец. А ты, Тургас, где пока поселишься? С птичками?

– Да вот у Бахрама и поселюсь. За городом. Место привольное.

II. Похищенный джиннами

Старый Бахрам не соврал. Не было в Сарае Богохранимом другого человека, который бы так привычно и незаметно слился с этим городом. Даже старики уже не помнили, когда и откуда появился этот невысокий, немного сутулый сказочник с умными, всегда улыбающимися глазами. Говорили, что он перс и приплыл из-за моря еще лет сорок назад, когда в царстве ильхана Аргуна стали бить евреев и христиан. Тогда много народа бежало из тех краев в Улус Джучи, где мудрая Яса Чингисхана давала защиту и покровительство человеку любой веры. Тем более что религиозные распри случались там снова и снова.

Беглецов было столько, что персидская речь уже звучала на сарайских базарах едва ли не чаще кипчакской. Визирь даже велел время от времени чеканить медную монету с персидской надписью. Во многом благодаря этим умным, оборотистым, предприимчивым людям и стал Сарай одним из величайших и прекраснейших городов мира, которому дивились путешественники. Хотя много разного народа и кроме них забрело сюда за последние годы по древним караванным тропам из Хорезма, из портов на Черном море, приплыло по великой реке с севера из Булгара и Руси.

Теперь Сарай аль-Махруса протянулся вдоль реки на целый день пути, и затеряться в нем было легче легкого. Вот и сейчас старый Бахрам растаял в пелене дождя незаметно и бесшумно, как тень птицы. Наиб даже не заметил, когда тот исчез. Он смотрел вслед Туртасу и Илгизару, которые не спеша уходили по дороге, обсаженной мокрыми от дождя акациями, придерживая с двух сторон злополучную клетку с голубями. Им было по пути. Хижина Бахрама, куда держал путь Туртас, стояла за городом, в укромном и красивом местечке на берегу реки. А Илгизар жил в доме братства водовозов, что на Черной улице. Совсем немного не доходя до заставы на выезде из Сарая.

Юноша несколько лет вкушал мед мудрости в местном медресе, воздвигнутом по повелению благочестивого хана Узбека после того, как он стал именовать себя султаном Мухаммедом, защитником веры. Этим летом усердного до книг и знания шакирда¹ заметил Бурангул, староста одного из городских братств водовозов, и позвал учить своих подопечных чтению и письму. Занятие не обременительное, ибо парни, усердно трудившиеся от зари до зари, могли себе это позволить только раз в неделю. Кроме того, Илгизар по пятницам читал намаз в их домашней мечети и произносил проповедь. Это давало крышу над головой и стол. Времени оставалось много, и юноша потихоньку пробовал подрабатывать ремеслом переписчика на буртасском базаре. Правда, заказчиков было мало и основной заработок Илгизара складывался из выполнения поручений эмирского наиба, который часто привлекал его в качестве писца и помощника.

Главный кади Сарая, мудрейший Бадр-ад Дин, однажды выделил Илгизара наibu в помощь для проводившегося тогда по приказу эмира расследования, где юноша не только отличился, но даже был награжден самим Урук-Тимуром – сокольничим хана. Тогда-то он и попал в подручные наиба.

Сейчас наиб, глядя в спину удалявшимся, думал думу. Вся эта история с исчезнувшим путником, да еще назвавшимся новгородцем, ему определенно не нравилась. Больше всего, конечно, не нравилась клетка с голубями. Голуби – это быстрая и тайная связь на большом расстоянии. Хороший почтарь легко преодолевает путь в несколько караванных переходов. С кем собирался сноситься этот человек из Новгорода, который почему-то не появлялся в русском квартале? Направлялся он в новый дворец, явно поближе к ханскому двору. За ним кто-то следил.

¹ Шакирд – студент мусульманского учебного заведения. (Прим. ред.)

Для того чтобы не прийти к отправлению корабля, на который уже были погружены вещи, требовалась очень веская причина. Наibu даже не хотелось думать какая. Похоже, что скоро где-нибудь в Сарае обнаружат неопознанное тело.

Тот, кто возит с собой почтовых голубей, обычно и сам оказывается важной птицей. И завертится колесо тайн, закрутятся, переплетаясь, узелки судеб...

Судьба! Надо же было так случиться, что именно к этому кораблю пришел сегодня помощник эмира, что на этом самом корабле отплывал его старый друг Туртас, бывший любимый сокольник великого хана Тохты. Как ни крути, а благодаря этому неведомому пропащему он отложил отъезд. Наibu это было очень по душе. Туртас сгинул в неизвестность двадцать лет назад во время смуты после смерти хана Тохты и неожиданно вернулся из дальних краев этим летом. Как это часто бывает, не найдя уже почти никого из старых друзей и родных. Давно вышла замуж и умерла в чужих краях его невеста, уснула вечным сном сестра, супруга ханского сокольничего Урук-Тимура, сбежала за море единственная племянница.

Конечно, могущественный Урук-Тимур всячески уговаривал шурина остаться в Сарае, обещал и службу, и покровительство. Но старый бродяга, прослонявшись лето по улочкам города своей счастливой ушедшей молодости, решил податься в родные края. В Мохши. Сказав: «Возвращаться так возвращаться!»

Отъезд сорвался в самый последний момент. Судьба!

Наibu подумалось, что имя, которым назвался исчезнувший бедолага, принадлежит святому Иову Многострадальному. Имя есть знак. Оно ведет за собой судьбу. Самого наibu крестили Хрисанфом. В переводе с греческого – «златоносным». Поди же. Выбился в начальники. Почти в вельможи. Хотя все в Сарае звали его по-русски – Златом.

Сейчас его ждали повседневные дела, и он направился к ханскому дворцу.

Оказалось, что там его давно ждут. Даже ищут. Едва наib подъехал к воротам, как стражник передал приказ срочно явиться к эмиру. Ничего хорошего это не предвещало. Жизнь в Богохранимом Сарае была в последнее время спокойной. После того как осенью схлынули с базаров и караван-сараев последние приезжие купцы – даже сонной. В этом году особенно. Когда перестали ждать на зиму хана со всеми его приближенными.

С порядком вполне справлялись базарные и квартальные старосты. Споры разбирали местные кади. Даже в ханский суд яргу неделями никто не являлся, и оставленные блюсти Великую Ясу яргучи откровенно скучали вместе с искушенными, познавшими все премудрости священного квадратного письма, писцами-битакчи.

Эмир от безделья пристрастился к шашкам. Вся его служба свелась к тому, что по утрам он выслушивал доклад начальника ночной стражи, который объезжал с отрядом старых ханских гвардейцев заставы и караулы после наступления темноты.

В боковой комнате дворца было душно и полутемно. Окна еще не завесили на зиму войлоком, но по случаю холодного дождя закрыли ставнями. Возле столика с шашками мерцала алыми язычками и дышала теплом жаровня с углями. У стен чадили лампы.

Было тепло и уютно. Как зимой. Пахло бараньим жиром.

Эмир оторвался от доски.

– Какие срочные дела у тебя есть?

– Скорее заботы, чем дела, – улыбнулся Злат.

Эмир довольно кивнул. Было видно, что он колеблется.

– Такое дело. Человек один пропал... – неуверенно начал эмир.

Наib заметил, что игравший с эмиром битакчи смотрит на него с интересом и нетерпением.

– С одной стороны, дело яйца выеденного не стоит... Мне утром доложили. В общем, хозяин постоялого двора забеспокоился, что постоялец из комнаты не выходит. Уже сутки.

Понятное дело, хотя бы до ветру должен был выскочить. Заперся изнутри на засов. Стали стучать и кричать через дверь. Не отвечает. Забеспокоились, значит, решили дверь сломать. – Эмир сделал внушительную паузу и с нажимом закончил: – Сломали – а в комнате никого!

Его товарищ по шашкам даже привстал от возбуждения, ожидая реакции наиба. Тот не моргнув глазом. В истории явно чего-то не хватало. Эмир продолжил:

– Через час весь болгарский базар переполошился. Староста ума не мог приложить, что делать. Доложили мне. Я было решил его гнать, но тут уже из других мест стали весточки приходить. Сам знаешь, как слухи по Сараю гуляют. Будто с глашатаем их по базарам выкрикивают. Рассказы один другого краше. Кто во что горазд. Куда, понимаешь, делся человек из запертой изнутри комнаты?!

Эмир от волнения ухватил себя за кончик длинного носа. Он был не монгол. Когда двадцать лет назад Узбек пришел к власти, то приблизил к себе немало людей из старых степных родов, отодвинув от трона своих дальних родичей, которым не доверял. Эмир был откуда-то из Синей Орды, левого крыла Улуса Джучи. Поговаривали, дорогу к управлению столицей проложило ему звонкое серебро из сундуков хорезмских купцов. Они при Узбеке в большую силу вошли.

– Сам староста что думает? – осторожно поинтересовался наиб.

– Околесицу несет! – хлопнул ладонью по столику эмир. Несильно, чтобы шашки не сдвинулись. – Говорит, что постоялец этот вообще колдун. Из Магриба. И к нему все время являлись призраки.

Наиб понял, что сейчас эмир окончательно почувствует себя дураком, а винить за это будет его. Поэтому сделал как можно более серьезный и заинтересованный вид.

– Кто-нибудь еще, кроме тамошнего старосты, подтверждает все это? Уж не решил ли он нас подурочить?

– Вот! – обрадовался эмир. – Ты бы съездил туда сам и разобрался на месте без лишнего шума. Что там у них на самом деле стряслось? И с отчетом ко мне!

Наиб с грустью подумал, что эмир, наверное, после утреннего доклада заезжал домой, где его и взяли в оборот со всеми этими базарными сплетнями скучающие жены. Вот откуда и срочность, и требование личного доклада. Легко сказать, без лишнего шума! Заявиться туда самому наibu сарайского эмира – значит плеснуть горячего масла в огонь базарных пересудов. Однако делать нечего. Злат представил, с каким нетерпением ждут новостей эмирские жены. Сказано ведь: «Ночная кукушка денную перекукует». А тут разом несколько.

– Кто принимал доклад у старосты?

– Я! – радостно отозвался битакчи.

– Что староста узнал о постояльце?

– Снимал комнату целых две недели. Выбрал такую, которая запирается изнутри на засов и имеет снаружи на двери скобы для замка. Всегда навешивал его, когда уходил. Еду велел приносить в комнату, но ел там редко. Часто уходил.

– Назвался как?

– Иоанном, а вот место, откуда приехал, назвал такое, какого хозяин отроду не слышал. Когда спросили, где это, ответил: «В закатных странах».

– Понятно теперь, почему магрибинец... А в колдуны его чего записали?

– Книгу у него видели. В черной коже. Девушка, которая еду относил.

Наиб одобрительно покачал головой:

– Староста, видать, хорошо постарался. Все выспросил. – Правда, подумалось Злату, что и этот старался больше для своей охочей до побасенок жены, чем для дела. Вслух спросил: – Про призраков что говорил?

Подбодренный серьезным тоном наиба, писец тоже принял сухой деловой вид, изобразив почтительность и усердие. Даже испарина выступила на лбу под шелковой шапочкой.

– Когда стали припоминать, кто к нему приходил, вдруг все как один обнаружили, что ни разу не видали лиц посетителей.

Злат вскинул брови:

– Как так?

– Даже сами не поймут, как получилось.

Наиб посмотрел на эмира. Тому разговор явно нравился. Однако Злат перевел его на другую тему:

– Представляю, что сейчас болтают по всем базарам и баням. Старосту нужно похвалить, что быстро нам доложил. Хотя напрасно он с самого начала не проследил за подозрительным человеком. Стал соображать только задним умом. Думаю, мне стоит поторопиться. Коли этого человека унесли джинны – их след быстро остывает. – Уже в дверях он обернулся к писцу. – Где этот постоялый двор?

– За болгарским кварталом. Хозяин Сарабай.

III. Старое логово

С минарета главной мечети сквозь дождь долетел азанчи². Полдень. Голос тонул в легком сумраке осеннего тумана, угасая уже у края покрытой лужицами площади перед ханским дворцом. Никто не отозвался на него в соседних улицах. Площадь осталась такой же пустынной и унылой.

Правоверные, оставив ненадолго повседневные дела, сейчас творят намаз в своих ближних мечетях. Здесь бываетлюдно только по пятницам, когда читает проповедь сам ученейший сарайский кади Бадр-ад Дин. Зимой под сводами главной мечети преклоняет колени сам защитник веры хан Узбек, и не каждому вельможе выпадает честь встать на молитву в первых рядах, ближе к повелителю. Да и в последних рядах очутиться за честь.

Сейчас у дверей мечети не мелькнуло ни единой тени. Шакирды из медресе прошли через внутренний дворик, пятница была вчера. А хан Узбек строит себе новую столицу в нескольких днях пути отсюда.

Наиб накинул на голову капюшон и дал стражникам знак, что больше их не держит. Еще раз окинув взором пустынную площадь, он подумал, что сегодня вообще-то первый день нового года по мусульманскому календарю и благочестивые люди отмечают его постом и усердием в молитве. Тот же Бадр-ад Дин, может, и произнесет по такому случаю какую-нибудь проповедь. Только показывать свое усердие теперь не перед кем. А Всевышний его и в домашней мечети заметит.

Все складывалось как нельзя лучше. Гораздо приятнее очутиться у жаркого пламени очага на постоялом дворе, чем торчать в холодном пристрое ханского дворца, согреваясь от жаровни с потухающими углями. И перекусить найдется, и выпить. Тем более в болгарском квартале. Жители сумрачных северных лесов, забравшись в южную сухую степь, не забывали старых привычек и вкусов, скучая по родным весям. Приплывавшие каждый год к Булгарской пристани гости неизменно везли с собой грибы, ягоды, душистые травы, собранные в краях, где летом в цветущих ветвях поют соловьи, а короткими ночами целуются зори.

В такую погоду милое дело выпить горячего болгарского меда.

Возблагодарив мысленно эмирских жен, так удачно проевших базарными сплетнями плешь своему вельможному муженьку, Злат направился туда, откуда таинственные джинны унесли еще более таинственного колдуна из не менее таинственного Магриба.

На выходе он окликнул привратника:

– Ко мне придет сказочник Бахрам. Пошлешь его в болгарский квартал, на постоялый двор Сарабая.

Что же за ловля колдунов и джинов без сказочника?

Злат хорошо знал это место. Постоялому двору, примыкавшему к болгарскому кварталу, было едва не больше лет, чем самому Сараю аль-Махруса. Даже древние старики уже не помнили, когда его построили. Зато память цепко сохранила образ человека, который это сделал. Время унесло имя, однако запомнилось, что был он колодезным мастером. Откуда его занесло на старую глухую дорогу между пустыней и великой рекой, никто не знал, наверное, уже и тогда.

То было время великих потрясений. Пали во прах царства, и целые народы носило по лику земли, как сухие листья. Кто думал о каком-то колодезном мастере?

Родом он был, скорее всего, откуда-то из Персии или Хорасана – в тех краях веками процветало древнее искусство сооружения глубоких колодцев и мудреных подземных каналов меж ними. Ведь только невежда считает, что колодец – это просто глубокая яма с водой. Коло-

² *Азанчи* – призыв мусульман на молитву. (Прим. ред.)

дец колодцу рознь. В одном вода вкусная, в другом – солоноватая. Где-то поглубже, где-то поближе. Колодцы живут своей особенной жизнью. Рождаются и умирают. Стареют. Мало ли на заброшенных караванных тропах и покинутых пепелищах умерших пересохших колодцев?

Истинному мастеру ведомы тайны подземных ручьев.

Он способен найти воду в, казалось бы, самом неподходящем месте, сделать так, что в одном колодце можно будет напоить целое войско, а в другом едва хватит влаги для стада коз. Он владеет секретом очистки воды и ее сбора из воздуха в самом сухом краю с помощью горки, сложенной из камней.

Такие мастера устраивают в крепостях тайные подземные колодцы на случай осады, проводят скрытые в глубине галереи-каналы, по которым доставляют воду куда потребуется. Им введена недоступная простым смертным жизнь загадочного царства, сокрытого далеко под ногами. Ведомы его тайны и опасности.

Сколько самонадеянных невежд, легкомысленно полезших в колодец за утерянным ведром, были подняты на поверхность мертвыми, но без малейшего признака насилия? В то время как внизу и воды было едва до колен. Сколько страшных рассказов передавали на базарах из уст в уста про заброшенные колодцы недалеко от Укека, которые вдруг изрыгали пламя? Очевидцев находилось немало, причем были это весьма уважаемые люди, достойные самого искреннего доверия. Не зря же веками жило поверье, что в заброшенных колодцах любят селиться джинны.

Занесенный к берегам великой реки чужеземец был как раз из таких искусных мастеров. Поселившись у края пустыни, он первым делом выкопал колодец. То ли вода от природы была в нем особого вкуса, то ли пришлый кудесник мог ее очищать каким хитрым способом – неведомо. Только все проезжающие по степной дороге обязательно сворачивали к этому колодцу, предпочитая его илистым водопоям прибрежных протоков, заросших камышом.

Путников тогда было не так уж много. Разве что пробирался кто с низовий, из старых городов вроде Сумеркента, в Золотую Орду – ханскую ставку. В те годы она часто кочевала на левом берегу против Укека. Нередко сама ставка перебиралась сюда на зимовку. В степи часто бывало беспокойно, а по старым караванным тропам приходят не только купцы, но и военные отряды. Здешнее же место было надежно укрыто с одной стороны широкой рекой с поймой, заросшей непроходимым перелеском, с другой – пустыней. Небольшой отряд легко мог пройти через нее от колодца к колодцу, но вот на целое войско этих скудных запасов воды не хватало.

Прошло время – зимовка стала постоянной. Засверкал под синим небом золотой полумесяц над куполом дворца повелителей бескрайних степей от Дуная до Амударьи. Вокруг вырос великий город, которому было суждено остаться на скрижалях истории под именем Сарай аль-Махруса – Дворец Богохранимый.

Населили его люди, съехавшиеся из самых разных краев. Много приплыло из-за Бакинского моря, когда там стали бить иноверцев. А так как вера там менялась постоянно, то бежали все подряд. Немало народа пришло из степи, не найдя там себе пропитания возле тощих овец.

Селились каждый в своем квартале. Постоялый двор со сладкой водой оказался севернее ханского дворца, прямо возле Булгарской пристани и одноименного квартала. Только по другую сторону дороги, ведущей на выход из города. Ближе к пустыне. В нем останавливались те, кто не хотел тесниться в караван-сарай и кому не нужно было каждый день торчать в рядах на базаре.

Такое сочетание – недалеко, но немного на отшибе – нравилось многим. Еще в старые времена, когда на постоялом дворе хозяйничал сам основатель, его облюбовали разные люди, чьи занятия были неизвестны. Судя по всему, они имели веские основания не мозолить глаза властям. Приходили они обычно из пустыни. В нее и уходили. Часто надолго уходил с ними и старый колодезный мастер.

Сейчас уже те дела быльем поросли, но в былые годы гуляли по базарам рассказы о тайных колодцах, которые он устраивал в глухих песках. Кому и зачем они были нужны, кого поили и кого скрывали, давно уже позабылось, оставив по себе лишь дурную славу. Тем более что у постоянного двора появился новый хозяин.

Его имя тоже забылось. Зато запомнилось прозвище – Леший. Это было именно прозвище, потому что он отзывался на него на разных языках. Так и звали: кто Шурале, кто Арсури, кто Ворса. Лесной дух. Не сильно злой, но чужой для всех. Никто не знал, какой язык для него родной. Он говорил и по-русски, и по-булгарски, и по-буртасски, и по-кипчакски. Приплыл как-то с верховьев вместе с другими искателями лучшей доли, прибил к постоянному двору углежогом.

Ремесло, обычное в северных лесах, но никчемное в степи, где люди собирают кизяк и берегут каждое полено. Только колодезных дел мастеру как раз и был нужен умелец, превращающий дрова в древесный уголь. Причем годилась ему для этого почему-то исключительно ольха, которая в изобилии росла в пойме за рекой.

Зачем ему столько угля и почему именно ольхового, никто не знал. На вопрос любопытствующего колодезник как-то мрачно отшутился: «В дань подземным духам», после чего желание интересоваться напрочь отпало. Со страхом поговаривали, что кто-то и правда видел, как он спускал мешки с углем в колодец. До смеху ли тут? Бывалые люди снова вспоминали рассказы про заброшенные колодцы, в которых живут джинны, про неосторожных бедолаг, которых достали оттуда мертвыми, про пламя, вырывавшееся из глубины.

Ведун подземных тайн и бывший обитатель лесных дебрей быстро нашли общий язык. Даже породнились. Углежог вскоре женился на дочке своего хозяина, потом унаследовал хозяйство. Хотя, может, не на дочери, а на воспитаннице. Никто не помнил, чтобы у колодезника была жена.

Леший так и просидел на этом постоялом дворе до самой смерти. Детей сызмала отдал в обучение в город, и они давно вышли в люди, став уважаемыми торговцами. Делами отца и его хозяйством интересовались мало.

Бывший углежог давно бросил рубить ольху за рекой и лишь обслуживал гостей. Поговаривали, что для простого держателя постоянного двора он слишком богат, но, и то сказать, богатство это виднелось больше по разговорам. Уж больно хорошо начали дела его подростки, явно не без отцовых денег, – сам он жил скромно. Властям беспокойства не доставлял, если что и случалось – дальше старост булгарского квартала не уходило.

Сейчас Злат как ни старался, так и не смог припомнить ни одного случая, когда этот постоялый двор попадал в какую-нибудь нехорошую историю. Хотя подозрения всегда вызывал. Уже самой своей обособленностью. Даже тем, что за столько лет – ни единого происшествия. Как-то уж слишком тихо для постоянного двора, где люди разные, да еще приезжие.

Наиб припомнил, что втайне всегда волновался из-за тамошней кузницы. Дело для постоянного двора обычное и нужное: лошадь подковать, колесо поправить. Вот только хорошо это там, где останавливаются много проезжающих. Здесь же, скорее, простая гостиница. Мысль, чем там кормится кузнец, и не давала некогда Злату покоя.

Теперь и это было в прошлом. Несколько лет назад, после того как многоликий Леший переселился в леса вечного счастья, его наследники продали постоялый двор ушлому торговцу Сарабаю. И кузница сразу же опустела.

Сарабай до этого был мясником на базаре в буртасском квартале. Теперь он использовал выгодное положение своего двора, чтобы приобретать недорого скот и резать его у себя, обеспечивая заведение мясом, к великой досаде прежних братьев-мясников. Злат нередко заезжал к нему обедать, привлеченный солидными порциями и дешевизной мясных блюд.

Вот почему сейчас мысль о поездке туда вызвала у наиба самые теплые чувства.

IV. Колдун из Магриба

Со стороны дороги постоялый двор Сарабая напоминал какой-нибудь почтовый ям в степи. Слева и справа от него тянулись густые заросли, позади начиналась бескрайняя унылая пустошь, уходящая к пустыне. Сам двор раскинулся крепко и привольно, так же, как в те времена, когда здесь была только глухая дорога вдоль берега реки. Чтобы увидеть купола и минареты Богохранимого Сарая, нужно было повернуться к воротам спиной. Великий город едва выглядывал из-за верхушек деревьев, непроходимой колючей стеной обступивших главную дорогу, и казался совсем далеким.

Глушь, да и только.

В серый дождливый день, когда очертания растворяются в туманном мареве, вообще могло показаться, что ты очутился где-то в пустынном краю, вдали от всякого жилья.

Злат остановил коня перед мощными, как для осады, воротами, створки которых были окованы полосами железа, и прислушался. Тишина. Все тонуло в легкой, но непроницаемой пелене осеннего дождика. А ведь совсем рядом, за спиной, по другую сторону дороги, лежали болгарский квартал и огромная Черная пристань с причалами и складами. Ее скрывали непролазные заросли степной колючей акации, молодых остролистных кленов и терновника, тянувшиеся вдоль дороги от самой заставы, охраняющей въезд в столицу великого хана. В нескольких местах поодаль в зарослях были проезды: к болгарам, к причалам и складам. Но человек пеший мог при сильной надобности продрасться и сквозь колючки. Особенно если он почему-то не хотел встречаться со стражниками у въездов в квартал или на пристань.

А еще недалече у дороги высились три громадных дуба. Судя по многоохватной толщине и высоте, были они старше и постоялого двора, и великого Сарая, и, возможно, самой древней дороги по берегу. Никак не меньше трех-четырех веков. Чья-то неведомая заботливая рука посадила и выходила их в этой несусветной глухомани в старые времена, от которых уже не осталось даже сказок. Поговаривали, что многие пришельцы из северных сумрачных лесов, перебравшиеся в болгарский квартал, не забыли древней веры и почитают эти дубы так же, как и священные рощи на своей дремучей родине.

Так это или нет, знали только в самом квартале. А там умели хранить свои тайны от чужаков. Во всяком случае, никаких следов жертвоприношений или даров у дубов не было.

Злат на всякий случай проверил. Коли уж зашла речь о всякой чертовщине, не грех поискать след колдунов и их паствы. Тем более что следы человеческие под тремя дубами были. Вытопанная трава, сломанные веточки. Только колдовских ли рук это дело? Куда вернее, кто-то лазил на деревья. Уж больно место удачное. На половину караванного перехода видно окрестности. Что по дороге, что в городе, что в пустыне. И река вверх и вниз по течению. Мало ли кому интересно.

Хотя ворота во двор напоминали крепостные, сама ограда состояла из обычного плетня, едва человеку по грудь. Наверное, когда-то давно на ее месте красовался неперелазный тын из заостренных бревен. Времена были смутные, опасные. Теперь не то. Смуты кончились еще при покойном хане Тохте, нестроения и разбои ушли в прошлое. Укреплять свои дворы больше нет нужды. Разве что от бродячей скотины или степных лис. Для этого и плетня за глаза достаточно. А ворота остались. Хорошие ворота. Дуб, поди, из болгарских лесов.

Злат понял, что его заметили. Как не заметить всадника на пустынной дороге? Тем более если он не проскакал по своим делам, а спешился и топчется у обочины под деревьями. Еще одно достоинство невысокого плетня. Особенно когда заняться привратнику больше нечем: во дворе ни души, у коновязи под навесом – ни лошади. Хоть платья под плащом не видно, но наметанный глаз сразу разглядел доброго коня, явно не простых кровей. За такого барыш-

ники не глядя дадут пару мохнатых низкорослых степнячков. Поэтому, когда наиб неторопливо вошел в ворота, навстречу из гостиного дома выскочил сам хозяин.

– Добрый гость всегда ко времени! – радостно запричитал он. – Сегодня как раз телушку заколол. Похлебка из требухи уже доспевает. Я ведь помню!

Бывалый мясник Сарабай не раз на своем веку потчевал Злата. Еще когда тот и наибом не был, а всего лишь простым писцом-битакчи. Сарабай лет пятнадцать держал лавку на большом базаре, пока не перебрался на купленный по случаю постоянный двор. Теперь торговал мясом только на рынках соседних кварталов. Там у него все было поставлено на крепкую ногу. Держал лавки.

В бытность на большом базаре он вошел в долю с одним ушлым харчевником, с которым наловчились продавать недорогую похлебку из требухи. Благо у мясника, который сам режет скот, такого добра всегда навалом и оно ему ничего не стоит. Только и расхода, что дрова и соль. И хотя в Сарае дрова и дороги, но для вхожего на Булгарскую пристань человека с этим завсегда намного проще. Весь лесной торг там. Одну щепу можно возами брать. Солью тоже можно удачно запастись у кипчаков, что возят ее со степных озер. Особенно если тайком и понемногу.

Вот теперь Сарабай с удовольствием припоминал прежнее время:

– В требухе ведь что главное? Главное, чтобы свежесть! Чтобы пар еще шел. Тогда и вкус хорош. А стоит хоть немного полежать, а уж если еще и обветрит – уже не то. Навар будет, а вкус не тот!

Из-за спины Сарабая из открытой двери веяло теплом и мясным духом. Видно было, что из-за жары он сидел в одной рубахе и только на выход наскоро накинул кафтан. Даже пояс не успел повязать.

Злат пробежал взглядом по расшитому подолу и подумал: «Вот ведь уже почти всю жизнь в Сарае живет, башка седеет. А халат так и не стал носить. Все живет по старой привычке. Как в Булгаре». Хотя, сколько помнил его Злат, был мясник правоверным мусульманином. Скот резал строго по исламским правилам, за что имел не только всегдашнее одобрение от своих соседей, булгарских имамов, но и множество благочестивых, охочих до правил веры покупателей на большом базаре.

Вера верой, а дедовский обычай так просто не отпускает. Чалму, поди, так и не научился наматывать.

Хозяин посторонился, пропуская наиба в дом, но тот задержался и еще раз окинул взглядом двор. Во всем чувствовался простор. Сразу видно было, что места хватает. С одной стороны амбары для кладки. Большие амбары, хорошие. Целый караван при нужде можно разгрузить. С другой стороны конюшня. Тоже добротная, рубленая из бревен. Ни волку, ни конокраду не залезть. Навес для повозок. Сбоку от дома еще навес – летняя кухня. Сейчас там только старые горшки стоят – тепло в доме нужно. Еще в глаза бросился неубранный навоз. В Сарае такого обычно не увидишь. Дрова дороги, кизяку даже на городских улицах или площади залежаться не дают. А здесь пока щепы с пристани достаточно.

Хорошо, что зеваки не набежали. Но Злат прекрасно знал: уже к вечеру весь Сарай будет болтать, что таинственным исчезновением интересовался сам эмирский наиб. Благо хоть стражу не взял, а то пересудам конца бы не было.

– Значит, ждал меня?

Хозяин сразу понял, что спрашивает наиб неспроста. Но виду не подал:

– Если бы ждал, разве похлебку из требухи готовил бы? Когда была парная телятина.

Наиб кивнул:

– Действительно. Постояльца джинны унесли. Дело житейское. На постоянных дворах такое сплошь и рядом.

Сарабаю не нужно было ничего объяснять. Он и сам прекрасно понимал, что власти никакими джиннами не интересуются. А вот исчезновение гостя на постоялом дворе – повод для самого пристрастного расследования. Кому же неведомо, что такие места слишком часто оказываются гнездами самого безжалостного разбоя? Особенно опасного тем, что в таких случаях нужно как можно тщательнее хоронить концы. Любой оставшийся в живых свидетель сразу погубит промысел. Это не на дороге кистенем махать.

– Я разве не понимаю? Потому и дверь ломать старосту позвал со свидетелями. Думал, может, помер постоялец-то. Чтобы лишнего подозрения не было. А оно вон чего... – Хозяин шагнул в дверь, словно приглашая наибо последовать за собой. – Я даже трогать пока ничего не велел и дверь не чинить. Хоть и свидетели нашлись, а все равно любой может убедиться – дверь была изнутри закрыта на засов.

Злат еще раз окинул взором безлюдный двор, немного задержавшись на крыше старой кузницы: интересно, что там сейчас? Потом шагнул внутрь.

Там был совсем другой мир. Ставни на окнах уже закрыли, и в зале царил полумрак. Пылающий очаг у дальней стены освещал закопченные стены, длинный стол посередине, лавки у стен. Из котла в очаге шли пар и мясной дух, сдобренный какими-то пахучими травами. Злат потянул носом:

– Можжевельник?

Хозяин довольно кивнул:

– Он самый. Отборная ягода. – Он повернулся и суетливо крикнул: – Клюквы принесите!

– Зачем же в требуху клюква? – удивился наибо.

– Это не в требуху. К мясу. Не одну же похлебку хлебать. И сбитню сейчас велю. С холода.

– Вот это хорошо, – одобрил наибо и показал на перегородку в конце зала. – Там?

Сарабай снова кивнул.

Только Злат не спешил. Он направился совсем в другую сторону, к очагу. Повесил ближе к огню плащ и сам устроился рядом.

– Смотрю, народа у тебя ни души. Как же так получилось, что о твоём постояльце уже весь Сарай знает? Или бирючи об этом на площадях и базарах кричали? Кто еще был здесь с утра, кроме старосты и свидетелей?

Хозяин старательно наморщил лоб:

– Мясо в лавки еще до того, как дверь ломали, отравили... После только головы слуга отвозил.

– Головы?

– Ну да! Я чего телушку колол? Обычно только бараниной торгую. Говядину только на заказ. Или к праздникам. А сегодня, сам знаешь, у мусульман Новый год. Благодетельные люди постанутся.

– Самое время корову колоть...

– Заказ. В караван-сарай у кипчаков затеяли пировать. Кто-то уважаемый из степи подъехал. Ну а у кипчаков известно какие лакомства. Самое почетное блюдо – вареная голова. Вот и попросили. Одну говяжьую и четыре бараньих.

– Ого! Видать, немало их там собирается!

– Человек десять, я думаю. Вот я для них скотину и резал. Мясо – в лавку, требуху – в котел. Головы эти слуга повез уже после того, как дверь сломали.

– Тогда понятно. Караван-сарай на базаре. Слуга, конечно, горло бузой промочил.

– Ну да. И водовоз еще приезжал.

– Тоже неплохо. Он потом после вас домов двадцать объехал.

Взвизгнула ременными петлями маленькая дверь за очагом, ведущая в сени, соединяющие гостевой дом с жильем самого хозяина. Оттуда, сильно пригнувшись, вышла девушка с братиной в руках. Она даже зацепилась головой за притолоку. Злат уже хотел пошутить насчет

жадности Сарабая, прорубившего слишком низенький проход, чтобы сберечь тепло, но тут заметил, что девица очень высока. Он даже встал, чтоб потихоньку помериться, когда та приблизилась к столу. Действительно, почти на голову выше его.

При неровном свете очага блеснули золотом густые волосы цвета соломы, выбившиеся из-под съехавшей при ударе о притолоку повязки. Поставив на стол братину, девушка быстро поправила головной убор и исчезла в сених. Злат заметил шерстяные кисти, подвешенные на манер хвостов сзади к поясу. Языческий оберег, какой носят женщины в дремучих северных лесах.

От братины шли пар и запах имбиря.

Наиб отцепил маленький ковшик, который по монгольскому обычаю носил у пояса, и с наслаждением зачерпнул сбитня. Мед у Сарабая был хороший, из липовых лесов, пахучий и бередящий горло. По жилам потекли тепло и умиротворение. Захотелось сесть у огня, закрыть глаза и задремать. Злат так и сделал. Только дремать не стал.

После долгого молчания он спросил, не открывая глаз:

– Почему говорят, что твой постоялец был колдун?

Спроси Злат об этом во дворе под нудный шелест осеннего дождика, наверное, прозвучало бы почти шутливо. В полутьме, едва озаряемой пламенем очага, получилось зловеще. Наиб сидел спиной к огню, и его тень загораживала Сарабая. Она ложилась на длинный пустой стол, расплзалась на половину стены, уходя к закопченным бревнам под крышей. И она шевелилась, повторяя малейшее движение своего хозяина, вставшего между светом и тьмой.

Сарабаю явно стало не по себе. Он боязливо оглянулся на черный проем в стене, к которому словно подкрадывалась громадная тень наиба, и сглотнул слюну. Потом сказал, почему-то понизив сразу осипший голос:

– Само собой на ум пришло, когда дверь-то открыли. Там ведь засов изнутри – ого-го! Скобы свой кузнец работал. Дверь пришлось с крюков сбивать. И комната без окон. Не то что кошке, мышке пролезть негде.

– Подпол?

Мясник махнул рукой. Потом зачем-то еще сильнее понизил голос:

– Девка еще начала плести... Которая еду ему носила. – Сарабай замялся, словно заколебавшись, но потом решил. – Говорит, принесла ему однажды еду, а у того гость сидит. – Он сделал шаг к наibu и наклонился, будто боялся, что его услышат. – Так вот, она клянется, что в комнату никто не заходил.

– Верить?

Сарабай обвел рукой зал:

– Другого хода туда нет. А она все время здесь была. Дело вечером было, в зале ни души.

– А как уходил, видела?

Хозяин кивнул.

– Ты сам-то ей веришь?

– Девка чуткая очень, приметливая. Из лесов.

– Гости к нему часто ходили?

– Не сказать чтобы очень, но захаживали. Всегда с глазу на глаз сидели. Он вообще в своей комнате, как бирюк, сидел. Еду всегда туда носили. Сам частенько где-то околачивался. – Подумав, Сарабай добавил: – Бывало, ночевать не приходил.

В зале повисла тишина, только огонь сухо потрескивал углями в очаге. Злат зачерпнул еще меда и отодвинул братину.

– Чего сам не пьешь? Зелья какого подмешал? Садись. – Увидев, как хозяин старательно наливает себе до краев полный ковш, приняв, похоже, близко к сердцу слова про зелье, добавил без тени усмешки: – Как хочешь, а чего-то в твоём рассказе не хватает. А чего, не пойму.

Сарабай грустно развел руками:

– Сам бы так говорил, если бы мне кто эту историю рассказал. – Наиб промолчал. Мясник думал. – Понимаешь, все это чушь, конечно, но здесь одно за другое цепляется. Я вот сейчас только понял, что и лица его толком не разглядел. Запросто могу не узнать, если встречу. Какой-то уж больно весь из себя скрытный. Шмыг да шмыг то в келью, то из кельи. Он даже вселился необычно. Его человек привел из болгарского квартала. Комнату выбирал, деньги платил. Я с ним и не общался почти.

– Деньги какие платил?

– Какие деньги? – не понял Сарабай.

– Сколько, какими монетами, где чеканены?

– Обычные деньги. Даньга. Чеканены у нас в Сараяе по большей части. Я ведь их сам хорошенько проверял, когда пересчитывал. Сам понимаешь, постоянный двор все-таки.

Наиб понимал. Где сподручнее всучить поддельную монету? Расплатился, и ищи ветра в поле.

– Ты того человека из болгарского квартала знаешь?

– Нет. Лицо, правда, знакомое, видел где-то.

– Так ты что, со своим постояльцем даже словом не перекинулся?

– Почему? Он говорил, какую еду ему приносить. Рыбы просил побольше. А еще спросил, можно ли где брать хлеб, сделанный на дрожжах.

– Нашли?

– А чего искать? Хоть у болгар бери, хоть у русских, хоть у буртас. Цену хорошую давал.

Вперед.

– Надолго?

– Сказали, что на месяц-полтора, точно не знают. Поэтому сразу заплатили вперед и предупредили, что съехать может внезапно, не предупреждая. Даже оговорили на этот случай, что замок с ключом на столе оставит.

– Какой замок?

– Навесной. Эта комната и снаружи запирается. На навесной замок. Там еще скобы сделаны, хоть на крепостные ворота. И замок стальной, болгарской работы. Как хороший сундук стоит. Эту комнату обычно снимают купцы, которые там оставляют что-то ценное. Поэтому она и подороже.

– У постояльца много товара было?

– Даже сундука не было. Только две большие сумы.

Значит, хотел, чтобы в вещах не рылись. Хорошие деньги за это заплатил.

– Вы с ним по-кипчакски говорили?

Сарабай удивленно вскинул брови.

– Говорил чисто?

– Не совсем. Да у нас больше пол-Сарая так говорит. Кто и лет двадцать здесь живет.

Иной раз вообще объясняются на пальцах.

– Ты его спросил, кто он и откуда?

Хозяин в очередной раз кивнул:

– Иоанн. Из Новгорода. А потом добавил еще, со значением так: «Из закатных стран».

У. Бронзовая птица

Злату вспомнился утренний разговор с корабельщиком. Иов из Новгорода. Тот еще сказал «новый город» по-кипчакски, а не по-русски. Обычное дело для Сарая. Вот только этих Новых городов лишь на Руси несколько. Есть Великий, есть Нижний, есть Северский. А сколько их еще в дальних странах, поименованных на чужеземный лад? Неаполь, например. Тоже по-гречески – Новый город. Далеко на западе, в закатных странах. Уж не из тех ли самых краев залетел таинственный гость?

С полгода назад уже объявлялся один такой. Прибыл тайком с полным сундуком золота и принадлежностями для рисования карт. Служил, как выяснилось, торговому дому Барди, который состоит в личных банкирах у самого папы. Как раз на Ивана Купалу бежал на генуэзском корабле за море. Золото у него в сундуке было для здешних краев необычное: магрибские динары. Из закатных стран.

– Вспомни хорошенько, Сарабай: слово «Новгород» он как говорил? На каком языке?

– На кипчакском, конечно.

Новый город в закатных странах. То ли Иоанн, то ли Иона. Легко запутаться в таком многоязычном городе, как Сарай. Легко и затеряться.

– А птички у этого твоего постояльца были?

– Какие птички? – испугался хозяин.

– Ну мало ли? Коли он у тебя улетел, может, птичкой умел обращаться. Или дружил с птичками. Клетка для птиц у него была?

Сарабая вопрос озадачил. Сначала он напряженно тарасил глаза, силясь уловить подвох, потом повернулся к двери в хозяйские покои и зычно крикнул что-то на незнакомом Злату языке.

– Да скажи уже, пусть похлебку несут, – добавил наиб. – Ты же служанку зовешь?

– Думал, сначала комнату посмотрим. Я бы уже велел дверь чинить.

– А куда спешить? Нового постояльца ждешь?

Хозяин только вздохнул тяжело. Слава теперь пойдет о его постоялом дворе такая, что лошадей нахлестывать будут, мимо проезжая. Хотя на окраине в глухом месте обычно на ночь лег встают те, кого ни Богом, ни чертом не испугаешь. Народ мирный и боязливый идет в караван-сарай.

Похлебку принесли по северному обычаю – в глиняном горшочке. С деревянной ложкой, вырезанной из белой липы. Такая в здешних краях не растет. Рядом поставили деревянный же резной ковш с медом. Но уже не со сбитнем, а хмельным, перебродившим. В него не имбирь, а свои лесные ягоды для вкуса добавлены. Да и зелья с кореньями из тех краев, хранящие силу и запах дальних дремучих дебрей.

С девушкой только беседы не получилось.

Едва она поставила на стол кушанье, хозяин стал говорить с ней по-своему.

– Она чего же, совсем по-кипчакски не понимает?

– Недавно из лесу. У меня всего два месяца живет.

Злату только и осталось, что молча рассматривать причудливый узор, вышитый на льняном подоле. Мог бы и сам догадаться. Одета девка не по-здешнему. Значит, в Сараяе недавно. В том, в чем приехала. А когда можно было приехать с верховьев? Только после половодья. Месяца четыре, не раньше. Лапти, правда, уже стоптала – на ногах мягкие сапожки здешней работы. На поясе сзади хвосты. В Мохши такие на каждом шагу увидишь, а здесь редкость. Даже в болгарском квартале не встретишь. Только у буртас.

– Не было у него ни клеток, ни птичек, – подытожил Сарабай. И жестом велел девушке уйти. Однако Злат обратился к ней напрямую:

– Тебя как звать-величать, красавица?

– Юксудыр.

Значит, немного все-таки понимает.

– Красивое имя, – одобрил наиб, – и сама хороша. Постоялец к тебе не приставал?

Теперь уже девушка не понимала, а Сарабай переводить не стал. Сам ответил:

– Если и пробовал, то сразу бросил. Не смотри, что с виду гибкая, как та ива. Она подкову может разогнуть.

Злат недоверчиво смерил взглядом стройный девичий стан. Действительно, так и не скажешь. Хозяин, судя по уважительному тону, и сам пробовал. Верно, не понравилось. И наиб продолжил как ни в чем не бывало:

– Расскажи дяде Злату поподробнее, что за человека ты у него видела. Ну, тот, что появился из ниоткуда. Было в нем что странное, необычное?

Сарабай перевел. Наиб заметил, что «дядю Злата» он пропустил, но девушка эти слова явно поняла. Они ведь неспроста сказаны были. Одно дело допрос у сурового ханского чиновника, совсем другое – обычный разговор с добродушным дядей, охочим до сплетен.

– Она говорит, что гость действительно странным был. Черный весь какой-то. И лицо, и одежда.

– Арап, что ли?

– Она, поди, арапов никогда не видала. Не поймет, про что это. А еще говорит, что от него запах странный шел.

– Странный? Серой, что ли, вонял?

– Она, поди, серу ни разу не нюхала. Говорит, вроде как дымом.

Наиб озадаченно почесал затылок:

– Слушай, а она у тебя сказки любит слушать?

Сарабай не стал переводить, но девушка явно поняла слово «сказки» и усмехнулась. Повернувшись к наibu, она отчетливо повторила два раза одно и то же слово.

– Говорит, что он был похож на углежoga, – перевел Сарабай.

Злат улыбнулся:

– Теперь и сам вижу, что приметливая. Самое главное, сказку от были хорошо отличает. Пусть возьмет огня побольше и покажет нам комнату.

Похлебка даже подостыть не успела.

В комнате смотреть оказалось совсем не на что. Крепкий стол у стены, скамья, сундук. У другой стены лежанка с топкой внизу, такие завели в здешних краях выходцы из Хорезма. Топлива меньше нужно, и чище – дым уходит в трубу. Да еще стену греет, через которую эта труба проходит. На лежанке чистый войлок.

От исчезнувшего постояльца не осталось ни единого следа.

Злат заглянул в лампу, стоявшую на столе. Пустая.

– Ты масло заправляла?

Сарабай перевел. Оказалось, что девушка буквально накануне проверяла: масла оставалось почти на сутки. Получается, столько времени она и горела. Значит, постоялец покинул свою последнюю обитель при ее свете. А непогашенный фитиль так и горел всю ночь, пока не кончилось масло.

– Замок пропал?

Хозяин качнул головой:

– На столе лежал.

– А говоришь, ничего не трогали. Что еще поменяли?

– Больше ничего. Клянусь!

Комната действительно казалась очень надежной. Гостевой дом был сложен из сушеного на солнце кирпича, а вот пристрой сделали из самого лучшего обожженного. В Сарае с его дороговизной дров такой встречался нечасто. Шел обычно туда, где его ничем было не заменить. «Колодцы, например, выкладывать», – подумалось Злату. Зачем понадобилось тратить эти кирпичи на постройку? Видно, и впрямь замыслилось все сразу под надежное хранилище. Вон и кладка на известковом растворе. Поди, на яйцах замешивали.

Зато потайное отверстие в такой стене не укроешь – сразу будет заметно. Пол тоже глиняный.

На засов и петли наиб даже смотреть не стал. Только провел ладонью по лежащей у входа двери и сказал:

– Вешайте на место.

После чего с удовольствием вернулся к горшочку с требухой. Ну и к липовому ковшу с горячей медовухой, конечно. Его веселость сразу насторожила хозяина. Злат же, блаженно улыбаясь, наслаждался кушаньем и нетерпеливым беспокойством Сарабая. С удовлетворением отодвинув пустой ковш, повертел в руках замок от двери, который ему принесли, прикинул его на вес:

– Тяжелая штучка, – усмехнулся недобро. – Таким и убить можно.

Сарабай сглотнул слюну.

– Зря ты его забрал, – посочувствовал наиб. – Им ведь запросто могли человека по голове стукнуть. А твои слуги могли кровь стереть. По нерадению. – Он выдержал паузу и добавил: – Или по умыслу. – Злат поднял взгляд на мясника. – Помню твою харчевню на большом базаре. Эх, какие времена! Я тогда простым битакчи был. Помнишь? – Хозяин радостно кивнул. – А вот уважал ты меня больше, хоть теперь я и наиб самого сарайского эмира. Теперь вот, вижу, ты и забыл, какую я похлебку люблю. Тогда чесноку не жалел.

Старый мясник готов был вынести что угодно, только не неуважительный отзыв о своей похлебке:

– Так я нарочно велел чесноку поменьше класть. Говорю, Хрисанф ибн Мисаил – большой человек, ему к самому эмиру на доклад идти. Чтоб духа дурного не было.

Злат только руками развел:

– Вон оно что... Даже родителя моего покойного как звали, помнишь. Молодец. И предусмотрительный опять же. С таким человеком дело иметь хорошо. Никакие джинны не страшны. Сколько у тебя потайных выходов из того пристроя?

– Сам же видел... – промямлил Сарабай.

– Ай-ай-ай! – прервал его наиб. – Ну, если тебе так больше нравится, будь по-твоему. Я эмиру так и доложу: исчез, мол, постоялец. Куда исчез, хозяин объяснить не может. Не про джиннов же докладывать? Так что лучше всего наложить на хозяина хороший штраф. Чтобы другим неповадно было. Да и разговоров про джиннов и колдунов меньше станет. Правильно?

Сарабай молчал. Он прекрасно представлял, какой величины штраф могут наложить за исчезновение гостя. Подозрение в убийстве, как ни крути. Да в деньгах ли одних дело? Пойдет по базарам слух, что на постоялом дворе разбой. Для торгового человека это хуже любой нечистой силы.

– Или ты думал, что я сказки про джиннов буду ходить рассказывать? Это тебе к Бахраму. Он, кстати, зайти должен. Поболтаем. А до тех пор можем и между собой поговорить. Так сколько тайных выходов из этого самого пристроя? – Злат поднялся со скамьи и потянулся, хрустнув суставами. – Комнату я эту видел, и хода оттуда нет. Если нечистую силу в покое оставить, то куда человек мог подеваться? Или откуда мог туда попасть? Твоя служанка ведь девка умная, все правильно описала: черный, на углежого похож. Углежог – он почему черный? Весь в саже. А сажа у нас где? Вот то-то и оно. Из печки вылез этот таинственный гость. Через печку и твой постоялец улетел. Лежанка вплотную к стене – дымоход через соседнюю комнату

идет. Там, поди, такая же лежанка. Проверить это можно хоть сейчас. Вот только зачем? Я перед эмиром могу и так отчитаться. А вот у тебя интерес большой. Только почему я все это тебе рассказываю? А не ты мне?

– Есть ход!

– Говорил я тебе, что нечистая сила до добра не доведет!

– В соседней комнате подвал. В нем колодец потайной. Из него – галерея к колодцу во дворе и лаз на зады, за усадьбу. К сухому арыку. Там выход.

– Да ты чего раскраснелся так? Не ровен час удар хватит. Вели лучше еще медку принести. Мне все равно придется здесь Бахрама дожидаться. Так что пойду коня расседлаю и в стойло поставлю. И вот еще. Скоро сюда прибежит помощник мой, Илгизар. Пусть ему тоже требухи оставят.

Юноша действительно не заставил себя долго ждать. Не успел наиб засыпать коню ячменя в торбу, как в воротах появилась вымокшая под дождем фигура.

– Даже не пообедал, что ли? – засмеялся Злат. – А запыхался-то! Иди, там тебе похлебки из требухи нальют. И медку. Я уже сказал. – От удивления Илгизар даже рот открыл. – Откуда я знал, что ты сюда прибежишь? Так ты, наверное, к своим водовозам пошел пообедать. А там тебе и рассказали, что у Сарабая на постоялом дворе неведомого незнакомца ночью джинны унесли. Ты сразу сюда, концы вынюхивать. Даже не пообедавши. Эх, молодо-зелено! Что там хоть на обед у вашей братии было?

Водовозы в Сарае жили братствами. Не только работали артельно, но и все хозяйство вели сообща. Подавшаяся из степей в великий город неприкаянная молодежь, не имевшая ни ремесла, ни денег, помывкавшись на поденной работе по пристаням и базарам, быстро освоила надежный и доходный промысел – возить воду. Лошади для этого годились самые плохонькие, повозки тоже подходили попроще. Обзавестись этим вскладчину не в пример легче. Даже в долг можно – менял в Сарае полно на каждом базаре. И не ленись, вози воду с реки.

Город большой, людной, колодцев не хватало. Хан хоть и повелел в кварталах вырыть пруды, но вода там была стоялая, мутная. Для еды, да и стирки жители предпочитали брать чистую речную. Каждое водовозное братство сделало свои мостки, чтобы воду брать подалеже от берега, где течение сильнее.

Зарабатывали на этом деле неплохо. Деньги шли в общий котел, и со временем братства обзавелись не только лошадьми и повозками с кувшинами. Водовозы с Черной улицы, приютившие Илгизара, построили себе хороший дом для ночлега, отдельную трапезную. Даже собственную мечеть, где юноша и учил их теперь письму. В трапезной была даже отдельная посуда для праздников, а в кладовых – нарядная одежда. Водилась и кубышка с залежными деньгами. На всякий случай.

Уважаемыми людьми стали водовозы. Их староста теперь с бухарским шелковым поясом красовался. Кое-кто его уже господином величал. Да и то сказать – братство ведь не только повозки с кувшинами. Полсотни крепких молодых парней, смолоду в степи приученные и оружие в руках держать, и на кулаках за себя постоять. Когда на Сабантуе за городом сходятся лучшие борцы, водовозы никогда не оказывались в числе последних.

Вот только что было в этот день у водовозов на обед, Илгизар так и не вспомнил. Он действительно бросился на постоялый двор Сарабая, едва услышал новость о пропавшем госте.

– Мне ведь не дал знать, – укорил его Злат. – Все сам, сам. Эх, гордыня! – И еще раз добавил: – Молодо-зелено...

Теперь вместо расследования пристыженному и вымокшему Илгизару пришлось тащить седло, которое заботливый наиб снял с коня.

Злат, видно в наказание, молчал, наслаждаясь нетерпением юноши. Правда, когда тот уже уложил седло на скамью у стены, сжалился:

– Да ты же до нитки весь вымок! Кто же в такую погоду без плаща ходит? – Халат и вправду облепил Илгизара, как мокрая тряпка. – Переодеть тебя надо. Хозяин! – Сарабай словно прятался за дверь. – Дай-ка моему помощнику штаны и рубаху. Поплоше. Понял? Поплоше. Чтобы пачкать не жалко. И с требухой поторопи. Он такой молодец, что даже без еды согласен бегать, лишь бы твоего постояльца поймать. Раз хочет, почему не дать человеку возможность? – Сарабай уже все понял и коварно улыбался. – Отправим его по следу печных джиннов. В самое пекло. На первый раз – в потухшее. – Сжалившись наконец над ничего не понимающим юношей, наиб рассмеялся: – В печку ушел твой постоялец! Там через топку лаз в соседнюю комнату. В ней подвал. А из него – потайной ход к старому арыку. Вот ты нам сейчас и покажешь, как из запертых комнат улетучиваются. – И добавил мстительно: – Коль уж ты все сам хотел.

Оскорбленный в лучших чувствах Илгизар повесил свой мокрый халат у очага и облачился в холщовые штаны и рубаху. Хозяин соблюл приличия – не стал давать последнюю рвань. Даже на ноги принес старые сапоги. К тому же предусмотрительно отыскал хорошую толстую свечку, чем вызвал веселье наибо:

– Боишься, заплутает? Что же это за печка у тебя?

Сарабай признался:

– Если честно, я сам про этот печной секрет не знал. Печка и печка. Подвал с колодецем и ходами знаю. Мне его старые хозяева, еще когда двор покупал, показали. А про печь и не обмолвились.

– Сразу почему не сказал? – нахмурился наиб. – Это же во многом дело меняет.

– Не подумал.

– Мог бы и додуматься. Тайный лаз в комнату, в которой обычно хранят самое ценное. Такой секрет дорого стоит. Потому и не раскрыли его тебе.

Между тем Илгизар, облачившийся в просторные не по росту штаны и рубаху, был готов к путешествию. Даже свечу уже зажег в очаге.

– Мы тебя в соседней комнате подождем. Заодно пока и в подвал заглянем.

С собой взяли только масляную лампу, поэтому и спускаться никуда не стали. Охота лезть во тьму и сырость? Только открыли крышку и вдохнули промозглый мрак. Подвал давно пустовал, лестницу из него убрали. Совсем бы на погреб походил, но сделан крепко, на века. Из кирпича. И сух. Не зря в нем устроили колодец.

– В колодец как спускаться?

– Там скобы есть. Железные.

Предусмотрительно. Значит, попасть в подвал очень легко. А вот подняться, если не прихватишь лестницу, будет невозможно.

Злату вспомнился старый Леший, последний хозяин этого постоялого двора. Молчаливый, хитрый и недобрый мужик. Какими темными делами промышлял он в этих подземельях? Наиб свесился насколько мог и осветил лампой. Из мрака едва проступили стены и колодец без крышки на дне.

– Такие обычно в крепостях делают, – пояснил, зачем-то вполголоса, Сарабай. – В нем воды нет, а сбоку идет ход к настоящему потайному колодцу.

А ведь и правда, этот самый пристрой очень похож на крепость. Мощные стены из обожженного кирпича, известковый раствор. Окон нет, лишь кое-где небольшие волоковые оконца – кошке пролезть. Злату вспомнились кованые дубовые ворота, оставшиеся от прежнего тына. Видно, было кого бояться строителю этого постоялого двора. Было и что прятать.

За спиной послышались возня, сопение и чихание. Из топки показались рука со свечкой и голова Илгизара.

– Вот ведь, даже не испачкался! – огорчился наиб.

Сарабай, помогая незадачливому трубочисту выбраться, добродушно заступился:

– Ее не топят почти. Зимой постояльцы в ней редко бывают. Да и вся сажа в трубе. А золу выгребают.

Тем не менее вид у юноши был очень довольный. Даже не отряхиваясь, он протянул Злату руку:

– В печи нашел.

В зыбком пламени свечи блеснул золотыми бликами металл.

– Бронзовая птица.

VI. Царевна Лебедь

Уже в гостевом зале, пододвинув скамью к пламени очага, Злат рассмотрел находку. Это было огниво. Хорошее дорогое огниво с бронзовой ручкой в виде птицы.

– Занятная штучка. – В неровных бликах огня зловеще поблескивали мощный кривой клюв и когтистые лапы. – Сокол вроде. – По краям огнива темнели отверстия, в одном из которых остался кусок оборванного шнура. – На поясе, видно, носили. – Злат придвинулся к огню и поднес к глазам шнурок. – Оборвался.

Илгизар, которому даже не дали как следует рассмотреть находку, нетерпеливо переминался рядом, вытягивая шею, но наиб, словно в насмешку над юношей, протянул огниво Сарабаю:

– Что скажешь?

Польщенный хозяин старательно наморщил лоб:

– Редкая вещь. Работа очень тонкая. Сразу видно, делалась, чтобы выставлять напоказ.

– Вот то-то и оно. Огниво вообще-то вещь обиходная, его в мешочке носят. С кремнем и трuтом. Ты к своему ручку приделал?

– Зачем? Кремнем стучать и без нее можно.

– Я такие видал у монгольских баб. Некоторые к праздничной одежде на пояс привешивают.

– Колдуны, бывает, розжиг делают особым огнивом, – вставил наконец свое Илгизар.

Найба это только разозлило:

– Никак мы от колдовских козней не уйдем! – Он повертел вещицу в руках и еще раз восхищенно добавил: – Тонкая работа! Большой мастер делал. Перышко к перышку. И глаза словно сверкают. Покличь-ка девку свою, пусть глянет, может, припомнит чего. Она у тебя и правда приметливая. Да парня моего покормите уже.

Юксудыр птицу не признала. Не видела ее у постояльца.

Разочарованный Злат уже стал завертывать огниво в тряпицу, чтобы убрать в поясной мешок, как в разговор неожиданно встрял Илгизар. Неожиданно, потому что спросил о чем-то девушку на ее языке. Юксудыр удивленно вскинула брови и, явно обрадованная, ответила. Злат только сейчас сообразил, что его юный помощник тоже из северных лесов – девушке земляк. Не ускользнул от взора и испуг, с которым воспринял это Сарабай.

– Вы, голубки, еще наворкуетесь. Ты, Илгизар, есть-то будешь? Простынет trebуха ведь. Тем более что ты не эмирский наиб. По запаху чую: тебе туда вместо говядины баранины от души подложили. А ее холодную никак! – Наиб попросил Сарабая: – Принеси мне, добрый человек, овчину хорошую. Прилягу я на лавку, отдохну. Девка твоя пускай пока со мной посидит. – Увидев, что хозяин замялся, добавил: – Потолкую с ней с глазу на глаз. – И засмеялся: – Да ты не бойсь, я за юношей пригляжу!

Но испугался Сарабай явно не этого. А что испугался, было заметно сразу. Чего, казалось бы, бояться простому мяснику и содержателю постоялого двора? Покупает и режет скот, торгует убоиной в лавках на базаре. Еще возит обеды артелям на Булгарской пристани. Что такого может сболтнуть эта девка из дремучих лесов, что не должно касаться ушей эмирского найба?

Злат даже крикнул с досады. Теперь вся надежда на Илгизара. Самому через переводчика девку не разговорить. Взгляд его упал на халат юноши, который сушился над очагом:

– Слушай, Илгизар, кто это тебе рукав зашивал? Сам, поди? Сикось-накось. Попросил бы землячку, чтобы она переделала. – Наиб снял халат и показал девушке. – Сделай, красавица, доброе дело. А то он без женской руки так и будет ходить оборванцем. Обидно за халат.

Злат все подгадал точно. Именно в этот миг зашел Сарабай. Видно было, что наibu он желает угодить от всей души: заместо овчины притащил огромный, в рост, тулуп.

– Пусть девка твоя моему парню халат зашьет. Халат дорогой, дареный. А он его, гляжу, уже порвал где-то да залатал, словно лапоть.

Вот и ладненько! Пока служанка ходит за иглой да нитками, Сарабай будет здесь скамью двигать и тулуп стелить. Если и захочет о чем предупредить – уже никак.

Только и самому нужно Илгизара надоумить с глазу на глаз. Можно, конечно, и при девке, да вдруг она не такая уж непонимающая. Прикинуться недолго.

– Сарабай! Измерь, сколько шагов от угла пристроя до колодца. Только шаги делай ровнее. Мысль мне одна покоя не дает. Слушай сюда, Илгизар! – торопливо забормотал Злат, едва за хозяином закрылась дверь. – Девка эта что-то знает. Я сразу приметил, как Сарабай насторожился, когда увидел, что ты по-ихнему болтать умеешь. Как хочешь, убалтывай! Хоть женись, хоть в рабство отдавайся, хоть пляши, хоть песни пой, а разговори мне девку! Да смотри не спугни! Спрашивать ни-ни! Говори разговоры! И слушай в оба уха и во всю задницу. На тебя вся надежда.

Затем наиб с обреченным видом снял сапоги и блаженно растянулся у стены на скамье, заботливо застеленной богатырским тулупом. Только и оставалось, что прикинуться дремлющим и потихоньку наблюдать из темного угла.

Хотя вмешаться все-таки пришлось. Немного погодя он нарочито сонным голосом пробурчал:

– Да угости ты девку медком, дубина стоеросовая! Глядишь, и разговор веселей пойдет. Медок у хозяина заборист. Халатом этим похвались, для разговора...

Халат действительно был знатный. Дареный. Шитый из лучшей бухарской материи, с узорчатым поясом. Пожаловал его захудалому шакирду сарайского медресе сам ханский сокольничий Урук-Тимур.

Три месяца назад постигло этого знатного вельможу великое несчастье. Убили его жену, бесследно исчезла любимая дочь. Сам Урук-Тимур был в это время в степи на Кубани, на летнем кочевье с ханом. Разбирал тогда это дело лично наиб. Тогда и дали ему в писцы-помощники самого прилежного ученика из медресе.

К приезду сокольничего все было закончено. Вот он и решил наградить всех от щедрот своих.

Злат даже сейчас улыбнулся, вспомнив недоумение Урук-Тимура, когда очередь дошла до Илгизара. Смерив взглядом тощего юношу в чалме на арабский манер и с чернильницей вместо кинжала у пояса, вельможа явно растерялся. Чем его жаловать? Молодому нукеру подарил бы доброго коня. Саблю персидской работы. Шубу со своего эмирского плеча. Чтобы каждый знал о щедрости славного Урук-Тимура, о том, как наградил он тех, кто искал убийцу его жены, о том, как открыты его душа и закрома навстречу добрым людям и делам.

А зачем этому заморышу конь? Ни держать негде, ни ездить некуда. Или сабля? Вместо чернильницы вешать?

Долго молчал в растерянности Урук-Тимур, глядя на шакирда. Уже сказаны были им слова похвалы и благодарности. Уже принесли Илгизару в награду дорогой вышитый халат с бухарским поясом, уже прибавили к ним сапоги из лучшей болгарской кожи и отороченную бобром шапку с атласным верхом. А все не то. Не по заслугам вроде. Скупое как-то.

Вот тут и осенило старого сокольничего. Пробежала по его губам довольная улыбка. Убежал куда-то по его слову расторопный слуга с дареной шапкой и сразу вернулся. После чего эмир протянул ее юноше со словами:

– А еще жалую тебя шапкой. Помни Урук-Тимура.

Только шапка едва не выпала из рук Илгизара. До самых краев с верхом была она наполнена серебряными монетами. Такие времена! Даже славный старый воин вынужден признать, что эти никчемные кружочки ценятся не меньше, чем добрый конь или булатная сабля. А может, уже и больше.

Нищему шакирду эта шапка серебра позволила уйти с ханских казенных хлебов на свои собственные. Даже ремеслом обзавелся – стал на базаре бумаги переписывать. При такой жизни разве дорогой халат убережешь?

Теперь юноша неторопливо ворковал о чем-то с Юксудыр. Не надеясь на его сообразительность, Злат решил все-таки встрять, будто между делом. Правда, сделал он это, когда девушка уже покончила с шитьем и собралась уходить.

– Она мохшинская?

Илгизар был из Мохши, города, надежно укрытого от степи дремучими лесами. Возле самой Руси. Там после прихода к власти несколько лет отсиживался хан Узбек, пока его не выманили наконец в Сарай. Мохши тогда совсем почти столицей сделался. Теперь все в прошлом. Живет посреди своих лесов былыми воспоминаниями. Однако судьба переменчива. Кто знает, куда задуют капризные ветра истории? Хан Тохта больше к Укеку благоволил. Сам Узбек теперь новую столицу строит.

– Из Булгара она. Из-за реки. С лесов.

С лесов! Как будто Мохши в степи. Только в тех краях уж так повелось: все, что на правом берегу великой реки, которую обычно так просто и именуют на тюркский манер – Итиль, – это горы. Что по левому берегу – леса.

Между тем Илгизар весело продолжал:

– Я было тоже сначала подумал, что с наших краев. По хвостам. Их у нас только мордовки носят. Пулай называются. А вот имя не наше. Такие имена за рекой в ходу.

– Говорит-то по-вашему?

– Похоже. У нас там в лесах народ перемешан. Однако друг друга понимаем.

– Ну, а хвосты эти самые, пулай которые, за рекой не носят?

– Чего не знаю, того не знаю, не бывал за Итилем.

Злат нехотя натянул сапоги и пересел к столу. Видно, толку от помощника как от козла молока.

Илгизар, похоже, почувал эту мысль, потому что поспешно добавил:

– Сирота она. Последние годы уже на горах жила. У мордовской родни. Сюда только по весне приехала.

Понятно теперь, почему мордовские хвосты носит.

– Послушай, красавица, твой хозяин говорит, что ты можешь подкову согнуть. Врет?

Девушка усмехнулась и взяла со стола холщовый лоскут, который принесла с рукоделием. Медленно сложила его вдвое. Потом резким движением разорвала напополам. Злат осторожно взял в руки обрывок. Затем уважительно поднес к лицу ладонь Юксудыр.

– А с виду не скажешь. Где научилась?

– Бабка научила. Она много чего умела.

– Из лука стрелять?

– И из лука стрелять.

Ох, непростая девка! Чего же все-таки Сарабай боится? Придется еще припугнуть.

Девушка стала неторопливо собирать со стола.

– Сарабай!

Тот встал как лист перед травой из сказки.

Злат изобразил крайнюю степень возмущения:

– Так до каких пор я из тебя буду все, как клещами, вытягивать?! Ничего больше не вспомнил?

– Вспомнил! Только я не знал, что это к делу отношение имеет.

– А тебе этого знать и не положено. Тебе положено все рассказывать как на духу. Слушаю!

– Про того мужика, который этого постояльца ко мне привел...

– Вон оно что. Значит, думал, это к делу отношения не имеет?

– Да нет. Человека этого я и вправду не знаю. Просто вспомнил, с кем я его вместе видел...

– Чего мнешься?

Сарабай сделал озадаченное лицо:

– Дело в том, что я того человека тоже не знаю.

Наиб грохнул кулаком по столу:

– Шутки решил со мной шутить?! В игры играть?!

– Да какие игры!.. – залопотал Сарабай. – Просто этот человек ко мне Юксудыр и привел.

– Та-а-ак... В узелок потихоньку твои ниточки сплетаются. А чего он ее к тебе привел, что говорил, кто эта девка?! – Злат еще раз хватил кулаком по столу и понизил голос. – Послать, что ли, за стражей да всыпать тебе своей властью плетей?

– Да не знаю я ничего! – заныл Сарабай. – Человек тот был с яского квартала. Из тех ясов, что в лесах живут, в Мохши, не с Кавказа. Привел, сказал, девка из Мохши, в Сарае у нее никого, языка кипчакского не знает. Осталась без хозяина. Предложил в прислуги. Может, тут и связи никакой. Просто совпало.

– Илгизар! Ты спросил девку, как она в Сарае оказалась?

– Говорит, с хозяином приплыла весной. Потом он пропал.

– Из запертой изнутри комнаты?

– Да нет. Ушел вечером и не вернулся. Потом пришел его знакомый и отвел ее сюда.

– Хозяин этот чем занимался? Торговец?

– Не знает. Товара у него не было. Даже вещей почти не было.

– Зови сюда девку. А ты, Сарабай, иди пока куда подальше. Покличу, когда понадобится. Если замечу, что подслушиваешь...

– Да пропади пропадом все эти ваши тайны! – Мясник прямо на визг сорвался.

– Я сразу почуял, что девка не простая. Персты тонкие, как у швеи, а подковы гнет. Это от бога не приходит, этому долго учить и натаскивать нужно. У вас в лесах раньше незамужних девок собирали по укромным углам и учили военному делу. Баб много было лишних, замуж всех не отдашь. Вот и селили такими обителями. Мужики-вояки, те легко службу себе находили, а бабы эти боевые так и прятались по лесам. Потом, когда сильная власть везде настала, в этих тайных воительницах нужда отпала. Давно уже про них ничего не слышно. Я уж думал, былшем все это поросло. Ан нет. Видно, остались еще кое-где. Ты давай снова сам разговор веди. Только уже без обиняков. Все, что только сможет вспомнить про своего этого пропавшего хозяина. А я пока у двери постою. Чтобы не подслушали ненароком. – Злат помолчал. Потом тихо добавил: – Кто его знает, как все обернется. Ты будь готов на случай чего. Если увидишь, будто с девкой что не так, падай на пол и не встравай. Если что, потом со спины на нее нападешь. Скамейкой попробуй оглушить. Мне один на один с такой ведьмой не совладать.

Едва заговорив с Юксудыр, Илгизар вдруг пришел в страшное возбуждение. Он вскочил, забегал взад-вперед, начал то и дело перебивать девушку. Злат решил вмешаться.

– Нога! – с ходу перебил его юноша. – Она говорит, что у ее хозяина была копченая свиная нога! Он и пропал в тот день, когда понес ее куда-то.

Когда это произошло, можно было уже не спрашивать. Ровно три месяца назад, в то самое время, когда правоверные мусульмане отмечали Ночь Могущества, неизвестный человек совершил святотатство: швырнул в молящихся свиной ногой. Под утро городская стража нашла его задушенным. Да еще и переодетым в чужое. Начало истории так и кануло во тьму неизвестности. Было ясно лишь то, что прибыл тот человек издалека. То ли из Арагона, то ли с Майорки. Из закатных стран. И была та нога частью большой свиной, которую кто-то тогда хотел подложить местным генуэзцам. Чтобы подкосить их богатую ордынскую торговлю.

Вот только каким боком здесь оказалась эта прекрасная воительница из тайного убежища в дремучей лесной глуши?

Девушка и не думала ничего скрывать. Откуда приехал к ним в леса этот человек, она не знала. Но язык тамошний он знал хорошо. О чем-то долго переговаривался с бабкой, у которой жила Юксудыр. Потом предложил поехать с ним. Посулил отвезти ее к родственникам отца, которые живут в Сарае. Когда приехали сюда, сказал, что они еще в степи, нужно ждать осени.

– Что за родня, не говорил?

– Я им должна была перстень отцовский показать.

Девушка сдернула с шеи шнурок. На нем висел массивный перстень с красным сердоликовым камнем. Злат поднес его к огню. Это была печатка. В отблесках пламени на кровавом камне темнела резная вязь.

– Квадратное письмо, – определил наиб. – На уйгурском. Знаешь, что здесь написано?

Девушка покачала головой.

– Как звали отца?

– Батыр.

– Надо же, как просто... А тебя, значит Юксудыр? Что это значит?

– Дочь лебедя...

– Дочь лебедя. Отец назвал?

Девушка кивнула.

– Давно он помер?

– Лет восемь как.

Злат спрашивал, Юксудыр отвечала, Илгизар переводил. Поэтому разговор все время повисал в мучительном ожидании. Один наиб знал, чем он закончится, – остальные это уже поняли. Наконец Злат протянул девушке ее перстень:

– Лебедями называют кунгратов. Монгольское племя. Из него мужчины Чингизова рода обычно берут себе жен. Мать Джучи, жена Чингисхана, была из этого рода. Сейчас они стоят у самого Золотого Престола. Могущественная Тайдула из них. Она твоя родная сестра. А твоего отца много лет назад в наших степях звали Кутлуг-Тимур. Он исчез в смуту, когда умер хан Тохта, и никто ничего о нем с тех самых пор не слышал.

VII. Как лаптой права угнать мяч царства

В очаг подкинули еще дров, и огонь запылал с новой силой. Котел унесли, и языки пламени теперь лизали самый свод печи. В зале стало светлей. Из темноты выглянули закопченные стены, под крышей на тяжелых балках показались из полумрака пучки каких-то сухих трав, связки вяленой рыбы и грубые холщовые мешки, перетянутые лыком.

Воцарилась тишина. Только угольки потрескивали, вспыхивая и мерцая.

Злат перекинул богатырский тулуп, принесенный хозяином, на скамью возле самого огня, между столом и очагом, и блаженно растянулся на спине, заложив руки за голову. Его юный помощник тоже перебрался ближе к печи, поджав под себя ноги и примостив на колени ковш с медом.

Хорошо было сидеть вот так, никуда не торопясь, и глядеть в загадочную глубину пламени. Или, как Злат, в темноту, словно скрывающую что-то неведомое разуму за границей света в сумраке под самой крышей.

Так и прошлое – то скроется во тьме минувшего, как канувший на дно камень, то вдруг, словно озаренное молнией, встанет перед глазами как живое.

– Вот ведь, снова догнала нас, брат Илгизар, эта треклятая свиная нога, – грустно усмехнулся наиб, – никак не отпускает. Ты копыто хорошо разглядел тогда? Может, это не свиная нога была, а чертова?

Юноша молчал, отхлебывая из ковша. Он вдруг воочию вспомнил эту самую копченую ногу, которую увидел три месяца назад в каморке наиба. Она висела на вбитом в стену кованом гвозде и пахла пряными заморскими травами, копченым салом. Пахла грехом. Запретное для правоверных мясо наполняло рот слюной вожделения и манило к себе в самый разгар священного месяца Рамазана – времени поста и воздержания. И тянуло за собой череду преступлений и смертей.

Наиб словно высматривал что-то в затаившейся под крышей темноте.

– Я ведь этого Кутлуг-Тимура хорошо знал. Он при Тохте был эмиром Сарая. Большой человек – куда до него нынешнему. Нашего хан поставил – хан и снимет, если что. А за тем стоял целый могучий род. Кунграты. Род царских невест. Или царских матерей, кому как больше нравится. На бабах и шею себе свернул.

Злат замолчал надолго, вспоминая. Потом сел, поджал под себя ноги и тоже устремил взгляд в огонь. Слово сами воспоминания начали жечь его и тревожить.

– Баялунь. Вот снова ее вижу как живую. Глаза умные и злые, словно у змеи. И голос ласковый такой. Будто и не говорит, а баюкает. А на лице и жилка не дрогнет. Только пальцы выдавали – по халату скрябали. Оно и не шутка. Всю власть в улусе тогда она под себя забрала. Как весть дошла, что Тохта умер, она сразу судьбу за заговор схватила. Никто ведь той смерти не ждал, хан был молод и здоров. В наследники себе он метил внука Ильбасмыша, совсем еще неразумного отрока. Вот Баялунь и объявила всем волю хана. Расчет был прост, как сухая лепешка: пока подрастает наследник, править от его имени станет она. На правах старшей из вдов Тохты. Дело не сказать чтобы совсем небывалое. Все знают, что после смерти Сартака, Батыева сына, все дела в Орде забрала его жена Баракчина.

Наиб снова замолчал. Он сидел не шевелясь, потом встряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и усмехнулся:

– Только одной воли хана мало оказалось. Нужно было курултай собирать по степному обычаю. Выборы проводить, хана на белом войлоке поднимать. А у Тохты еще был сын. Взрослый уже. Тук-Буга. Ему Тохта отдал бывший улус Ногая. Сила! Несколько туменов. Ногаевы темники вокруг него сразу встали. Вспомнили старое время, когда Ногай ханов в Орде по

одному своему слову ставил и менял. Кутлуг-Тимур, кунграт, со своим родом тоже на их сторону пошел. Решили Тук-Бугу ханом выбирать.

Я в ту самую пору из Сарая был отослан. В Крыму как раз сидели послы от египетского султана. К Тохте ехали, а тут такая незадача. Вот нас и послали им голову дурить – хану, дескать, неможется. Так и держали их в неведении. А то пойдет слух, что в державе нестроение, как раз беду накличешь. К тому времени, когда я вернулся, все уже в степь уехали. На курултай. Оттуда Кутлуг-Тимур уже не вернулся. Сгинул без следа. Я думал, он погиб – тогда много царевичей и эмиров голову сложили. А ханом стал царевич Узбек, племянник Тохты.

– Нам Бадр-ад Дин в медресе рассказывал, что Узбека убить хотели за то, что он в ислам обратился. По наущению лам и волшебников. За это он и казнил их как изменников.

– Сейчас, когда двадцать лет прошло, всякое можно говорить, во всякое верится. Сейчас он султан Мухаммед, защитник веры. А в те времена до веры никому дела не было. Тогда нам сказали, что Узбека хотели убить за то, что он не давал похитить царство Тохты тем, кто нарушил волю покойного хана. Тохта ведь при жизни наследником своим объявил старшего сына Ильбасара. А тот возьми да и помри на два года раньше отца. Я тогда от всех этих дворцовых дел далек был, но на базаре ведь всякое болтают. И не всегда попусту. Поговаривали, что эта самая Баялунь была женой Ильбасара и к Тохте попала только после смерти мужа. Про нее много чего болтали. Доподлинно известно только, что была она когда-то женой Тогрылчи – отца Узбека. А вот что делала после его смерти? По закону должна была перейти к Тохте, брату покойного мужа. Но сразу ли она к нему попала? Слухи ходили, что у Ногая была. Опять же Ильбасар. Вроде и Ильбасмыш ее сын. Видишь, как все ладно складывается?

– С этим Ильбасмышем что стало?

– Пропал. Сгинул, словно и не было никогда. Ни разу никто нигде о нем слова не молвил. Убили, скорее всего. Чтобы не мешал. Затоптали, как зайчонка в загонной охоте. Тогда ведь курултаем все не кончилось. Слишком уж неожиданно вышло. Сила-то была на стороне Тук-Буги. Собирались его только утвердить на курултае, ждали, пока все соберутся. Узбек ехал с границы, от Кавказа, он там войском командовал. Пока добирался, кое-кому и пришла в голову мысль: «А чем не хан?» Царевич Золотого рода, внук Менгу-Тимура. Тохте племянник родной. Знаешь, как бывает? Может статься, его-то и не спрашивали. Как говорится, «без меня меня женили». Двинула чья-то могущественная рука, как пешку в ферзи, на шахматной доске жизни. Зря, что ли, сам Узбек потом лет десять прятался за лесами в Мохши? Умный человек. Понимал: что случилось один раз – может случиться и во второй. Как видишь, не зря боялся. Долго расходятся круги на воде жизни. Двадцать лет прошло – и вдруг объявляется эта дочка Кутлуг-Тимура. Не сама появляется. Кто-то зачем-то ее нашел и привез сюда. Снова двигает невидимый игрок фигуры на вечной доске жизни. И снова хочет провести пешку в ферзи. Ох, не к добру это! – Злат неожиданно рассмеялся и хлопнул ладонью о скамью. – Скоро Бахрам сюда придет. Он пошел проследить, куда тот человек с корабля направился. Хочешь, угадаю, что он скажет? Сразу догадался, как про эту чертову свиную ногу услышал.

– К эн-Номану? – робко предположил Илгизар.

Наиб от разочарования даже крякнул:

– Выходит, не я один такой умный...

Почтенный шейх Ала-эд Дин эн-Номан ибн Даулетшах жил на покое в окружении преданных мюридов на окраине Благословенного Сарая. Некогда лекарь хана Тохты, а затем и наставник самого правоверного султана Мухаммеда, в миру Узбека, теперь, обремененный летами, он почти совсем отошел от дел. Однако из своего молитвенного уединения, как старый филин, зорко следил за всем, что происходило в столице и в ханской ставке. Сам Узбек его очень уважал и к его мнению прислушивался. В бытность свою в столице каждую неделю непременно навещал, выражая при этом крайние послушание и смирение.

Илгизар познакомился с почтенным старцем, когда в начале лета тот приглашал их с наибом к себе. Как раз по делу о той самой копченной ноге. Шейх еще дал тогда юноше для переписки трактат Омара Хайяма «Слово о пользе вина». О котором Злат тут же и вспомнил:

– Ты эн-Номану рукопись его вернул?

– Давно уже собираюсь. Два месяца, как переписал. Да все робею.

Злат только усмехнулся. Илгизар зарабатывал переписчиком на базаре, и обладание редкой рукописью неизменно вызывало уважение заказчиков и собратьев по ремеслу. Любой нормальный писец постарался бы продержаться у себя как можно дольше.

– Ему, поди, уже доложили, что тот, за кем он следил, исчез накануне таинственным образом из запертой изнутри комнаты. Думаю, для старого хрыча такие загадки не в диковинку.

– Ты же рассказывал, что двадцать лет назад он помог Узбеку взойти на царство.

– Было дело. Только к убийству Тук-Буги он вряд ли причастен. Зарубил того Исатай. Тот, что теперь в Синей Орде эмиром. А он больше с генуэзцами водился. Он был в роду киятов старшим. Знатный род. Из него сам отец Чингисхана вышел. Как ни поворачивай, а по старшинству кияты даже выше Золотого рода. В улус себе получили еще с Батыевых времен Крым. С генуэзцами у них дружба старая. Золотом скрепленная. А Тохта генуэзцев изгнал. Киятам оно крепко по карману ударило. Так что приправой в котле тогдашней смуты было не только золото хорезмских купцов от эн-Номана. Наверняка позванивали там и фряжские безанты.

Наиб наставительно поднял палец:

– Тогда ведь что случилось? Сарай переборол Орду. Город победил степь. Толстозадые купчишки заставили плясать под свою дуду отважных батыров. Золото пересилило булат. Поначалу ведь ничего не ясно было. С курултая часть эмиров ушли в степь – не признали Узбека. Большой войной запахло. Как при Ногае. Только уже к весне все затихло. Эмиры один за другим признавали нового хана. Над кунгратами вместо Кутлуг-Тимура встал его брат Сундж-Буги. А уж как кунграты покорились, так и вся степь усмирилась. Тем более что дорога к миру обильно поливалась купеческим золотом. Видимо-невидимо раздаривалось тогда дорогих халатов, бесценных мехов, самых лучших сабель. А сколько бабьего узоречья, бус-жемчужов всяких, благовоний, тканей заморских! Кому, как не Баялунь, было знать присказку про ночную и дневную кукушку? Она и Узбека быстро к рукам прибрала. Она и в Мохши его увезла – подальше от интриг и заговоров. Теперь вот оказалось, что там же и Кутлуг-Тимур скрывался. Уж не она ли его припрятала до поры до времени? С нее станется. И с франками она всегда возилась. За то ее эн-Номан и не любил. Да и то сказать – Узбек ведь только после ее смерти себя султаном объявил и в Сарай вернулся. Неспроста ведь это. – Злат почесал нос и заговорщицки подмигнул Илгизару: – Нынешнюю ханскую любимицу Тайдулу тоже Узбеку Баялунь подсунула. А она дочь этого самого Кутлуг-Тимура. Вот только Баялунь-то уже больше десяти лет назад не стало.

– Исатая в Синюю Орду тоже отослали от греха подальше?

– Как знать. Царские мысли на то и царские, что нам, черной кости, их знать не положено. Только, я думаю, вряд ли Узбек Исатая опасается. Нет у него цепного пса вернее и преданнее. Потому как поднял тот руку на человека из Золотого рода, пролил царскую кровь. За это по степным законам земля мстит. Хану, ему и смерть положена ханская. Почетная. Хребет обычно ломают. Главное, чтобы кровь Великого рода не пролилась. Хан Тохта того воина, что убил Ногаю когда-то, самолично зарубил. Так и сказал: «Пусть не проливает простой народ ханскую кровь». Так что без Узбековой защиты Исатай долго не протянул бы.

Наиб понизил голос:

– У нас во дворцовой страже был один старый нукер, который тогда своими глазами видел, как дело было. Никто и не ожидал ничего. Тук-Буга принимал приезжих в походном шатре. По одному, по два. Остальные снаружи толпились. Сила вся была у хана – бояться вроде

нечего. Только еще князь Владимир Мономах поучал своих детей: «Не снимай оружие, не оглядевшись. Внезапно ведь человек погибает». Как будто про Тук-Бугу. В шатер они вошли вдвоем – Исатай и Алатай. Тот был из сиджутов. Их род еще Батыю был в подчинение отдан. Рядом с Тук-Бугой стоял Маджи – его главный эмир. Уйгур. Старая хитрая лиса. Еще Ногаю служил. И предал. Теперь при новом хане уже почти поймал горностаю счастья за хвост. Был он очень благосклонен к своим единоплеменникам – ламам, мудрецам. Да и то сказать, в ту пору квадратное письмо, кроме уйгуров, у нас в Сарае и не знал почти никто. Все битакчи были из них. Я тоже в свое время у уйгура учился. На той самой Черной улице, где летом нашли задущенного бедолагу со свиной ногой.

Воспоминания о годах ученичества сразу отвлекли Злата:

– Сейчас все учатся мусульманской грамоте. Оно и верно. Почти все дела решаются у кади. Важные бумаги тоже пишут арабской грамотой. Квадратное письмо осталось только у ханских битакчи, да и то больше для переписки с императорским двором в Ханбалыке или для каких царских дел. Много ли нужно таких знатоков? Даже на монетах уйгурского письма я не видел со времен самого Тохты.

Однако школярские нравоучения не вызвали у Илгизара никакого интереса. Он с нетерпением напомнил:

– Ну, так вошли в шатер Исатай и Алатай... Дальше что было?

– Не успел никто и глазом моргнуть, как они выхватили сабли. Исатай одним взмахом отрубил голову новоявленному хану, Алатай заколол Маджи. Потом Алатай схватил голову Тук-Буги и насадил ее на кинжал. Так и вышел из шатра. И крикнул: «Вот ваш хан!»

Юноша даже рот открыл от ужаса:

– И что?..

– А что? Еще Соломон говорил: «Живая собака лучше мертвого льва». Все поняли, что хана больше нет. А на нет и суда нет. Ногайские эмиры Тунгуз и Таз сразу поскакали к своим туменам в степь. Кутлуг-Тимур тоже к войску подался. Остальные притихли и стали ждать, что будет дальше. Тут и Узбек появился. С отрядом. Стали бить уйгуров. Дорого обошлось им покровительство Маджи. На них все зло и сорвали. Дальше я уже рассказывал. Золото побороло булат. Тунгуз и Таз без вести сгнули. Скорее всего, свои же зарезали в степи. Кутлуг-Тимур, как видишь, в леса ушел. Тогда же и Ильбасмыш пропал. Где малому несмышленному ребенку уцелеть, когда опытных и бывалых царевичей и эмиров как траву косят? Может поначалу и задумывалось его ханом поставить, да Узбек лучше подошел. Отец Ильбысмыша Ильбасар сильно к мусульманам клонился. С эн-Номаном большую дружбу водил. А Узбек – он на Кавказе обретался. Как раз рукой подать до Матреги и других генуэзских городов. Когда Тохта генуэзцев изгнал, до них не добрался. Они так и отсиделись за горами. Тамошние земли всегда были сами по себе – не то зикхские, не то вообще персидских ильханов. Да и Узбек, как только ханом стал, первым делом все старые права генуэзцам вернул. Неспроста же. А в Хорезм поставил наместником своего самого надежного человека. Кутлуг-Тимура. Тезку нашего кунграта. Своего двоюродного брата. Узбек, пока за лесами в Мохши отсиживался, многому научился. Главный урок: самая большая опасность – Чингизиды, Золотой род. Только они могут быть ханами. Только они могут сесть вместо тебя на Золотой Престол. Вот и возвысил, приблизил к себе другие роды: кунгратов, киятов. Полно и кипчаков, и болгар сейчас надели монгольские халаты власти. Вот и я тоже. – Наиб провел ладонью по вороту. – Наш нынешний эмир из Синей Орды, не царских кровей. Многие потомки Чингисхана теперь под началом у незнатных ходят. Государству от этого только польза.

– Нам в медресе только про то, что Узбек за ислам встал, говорили.

– Историю пишут победители. А про убитых часто рассказывают их убийцы. Да и то сказать – разве вам врали? Узбек очень много для мусульман сделал и делает. Разве он не настоящий султан, защитник веры? Мечети, медресе. Но все это со временем пришло. Двадцать лет

назад об этом речи не было. Шла борьба за власть, и главной силой были степные багатуры. Для которых превыше всего было степное уложение. Великая Яса Чингисхана. Воля Вечного неба. Кто стоял за древний обычай, кто пекся только о своей корысти. Знаешь, как тогда говорили? «Узбек лаптой права угнал мяч царства». Лучше не скажешь. Не за ислам и веру арабов он тогда встал – встал против похитителей царства хана Тохты у законных наследников. А что наследники те сгнули, это уже вроде как не его вина.

VIII. Дни трепета

Во дворе послышался глухой стук копыт. Немного погодя бухнула входная дверь, запустив холодный дождливый воздух. В помещение, отряхиваясь, вошли два человека.

От изумления наиб разинул рот. Даже если бы он увидел у порога самого хана Узбека с папой римским Иоанном, то не удивился бы больше. Перед ним стоял почтенный наси Соломон бен Давид. Справедливости ради нужно заметить, что приставку «наси» он прибавлял к своему имени сам, да и то нечасто. В диване-яргу – ханском суде, где Злату приходилось сталкиваться с этим важным и очень самоуверенным господином, – его именовали обычно нагидом. Что означают эти два грозных титула и в чем между ними различие, наиб не ведал. Да и не только он. Соломон призывался пред светлые очи ханских яргучи, когда слушалось какое-нибудь дело с участием евреев. Как, например, кади от мусульман или староста от черкесов, ясов или русских. Пару раз были жалобы на то, что он самозванец, но уважаемые люди из сарайских иудеев встали на его защиту, и от недовольных отмахнулись. Евреи редко беспокоили диван-яргу, стараясь не привлекать лишний раз внимание к своим внутренним дрызгам.

Между собой они обычно называли его рабби Соломоном, не утруждаясь прибавкой почтительного «бен Давид», и в свободное от хождения в ханский диван время он учил детишек письму, чтению и всякой древней еврейской премудрости.

Мудрые говорят: «Имя есть судьба». К почтенному Соломону это подходило как нельзя лучше. Имя древнего мудреца дал ему отец, перебравшийся много лет назад в Сарай из царства персидских ильханов, где тогда начали немилостиво избивать иудеев. Тогда много их бежало за Бакинское море под защиту Великой Ясы Чингисхана, дающей покровительство человеку любой веры.

Тем более что место было в какой-то мере насиженное. В низовье великой реки, которую многие народы обычно так и называли – Река, каждый на своем наречии, в прошлых веках лежало могучее еврейское царство. Правившие в нем хазары сами были тюркского рода, но обратились к закону Моисея, призвали иудейских учителей.

В те былинные времена вся торговля в Великой Степи от моря до моря и от дремучих лесов до высоких гор находилась в руках еврейских купцов, именуемых раданитами. Их склады и конторы можно было увидеть в Ургенче, Багдаде, Константинополе, в далекой Германии. Им были ведомы пути по рекам, тайные волоки и лесные просеки, перевалы и горные тропы. Везде у них имелись свои люди и покровители.

Войны, смуты и нестроения погубили большую торговлю. Давно стало дымом и сказкой славное Хазарское царство. По караванным тропам прошли воины, одни народы заняли место других. Но ничто не меняется под луной, кроме имен. На старые, как этот мир, дороги пришли новые купцы взамен старых. Караванную торговлю забрали под себя мусульмане, на реках появились ладьи суровых мужей с севера, которых называли кто русами, кто варягами, а кто викингами. Моря в последние годы все больше и больше прибирали к рукам франки.

Померкла былая слава купцов-раданитов. Померкла, да не исчезла. На всех древних караванных путях нет города или базара, где не нашлось бы торговой лавки и крепкой скамейки с расставленными на ней столбиками монет всех окрестных царств, нынешних и павших во прах, в которых хозяйничали последователи закона Моисея. Там, где нужно измерять или взвешивать, отличать поддельное от истинного, где требовалось знание свойств и соотношений, им не сыщешь равных. А все благодаря извечной склонности и любви к книжному знанию. Кроме того, евреи разных стран и городов всегда поддерживали связь друг с другом, а это в торговле самое важное подспорье.

В Улусе Джучи, которым теперь правил хан Узбек, да продлится его царствование, еще со времен Хазарского царства жило много последователей закона Моисеева. Не все они были

наследниками раданитов. Многие вели род еще от суровых хазарских воинов. Кто пас скот, кто водил караваны по опасным степным и горным тропам. Занимались ремеслом. В старых городах, стоявших еще до той поры, как сюда пришли орды Потрясателя Вселенной, их было много.

Те, кто позже бежал из-за моря от персидских гонений, чаще подавались уже на новые места. Как раз в то время вставал между рекой и пустыней в нескольких фарсах от древнего Сумеркента Сарай Благословенный – столица объединившегося после смут и раздоров Улуса Джучи. Сюда и приводила нелегкая стезя изгнанника большинство новых подданных Золотого Престола.

Был среди них и тощий Давид Багдадец. Что он делал в сказочном городе халифов и мудрецов, неведомо. Ремесла никакого не знал, даже переписчик-сойфер из него не вышел, но к книжному знанию и, более того, к умным и важным разговорам тяготение у Давида было преизрядное. Вскоре выяснилось, что приверженность традициям сама по себе может служить ремеслом на этих далеких берегах.

Дело в том, что последователей веры Моисея сюда съехалось немало, но были это по большей части люди практические. Торговцы, менялы, ремесленники. Как и большинство иудеев, пусть и ученых книжной премудрости, но не настолько, чтобы учить других. За это дело и взялся Давид. Благо рачительные соплеменники помогли с деньгами на покупку нужных книг.

С книгами пришли знания, со знанием – авторитет. Потихоньку Давид Багдадец, хоть и остался на вид таким же тощим, как и тогда, когда бежал от разъяренных громил и грабителей, стал вмешиваться в разбор мелких ссор, потом встрял уже в дела посерьезнее, пока в его умную голову не пришла благословенная мысль придать всему этому уже деловую основу.

Запасшись деньгами, он отправился на родину в Багдад, откуда привез немислимых размеров книгу иудейских законов – Талмуд. Это великолепное приобретение уже одним своим видом и весом внушило почтение всем единоверцам.

После этого уже как-то само собой разумеющимся стало, что все обращаются за советом к уважаемому Давиду. Носящий имя великого еврейского царя, своего сына он назвал в честь Соломона, который был не только царем, но и мудрецом. Отец как в воду глядел.

Когда после многих лет нестроения и смуты в Улусе Джучи стала устанавливаться крепкая власть, а хан Узбек объявил себя султаном, покровителем мусульманской веры, в державе стали вводиться новые порядки. В окружении хана стали появляться должности, которых прежде и в помине не было. Например верховный кади. В сообразительной голове тогда еще юного Соломона сразу появилась дерзкая мысль: «А почему не может быть главного еврея?»

Вот тогда он и стал время от времени именовать себя непонятым титулом «наси», а в диване неизменно представлялся как нагид. Тем более что его поддержали мусульманские улемы, вспомнившие, что где-то в царствах правоверных действительно были какие-то нагиды.

О том, что обладатель всех этих непонятных, но лестных титулов теперь называл себя в третьем лице исключительно Соломоном бен Давидом, можно даже не упоминать.

И вот этот достопочтенный муж стоял у входа в захудалый постоялый двор на окраине Сарая. Не нужно было быть прорицателем, чтобы понять: ничего хорошего это не предвещает.

Наиб некоторое время поколебался в сомнении, нужно ли слезать со скамьи – уж больно не хотелось натягивать сапоги, – и решил лишь привстать. Недостаток почтительности он сполна возместил голосом, изобразив великую радость:

– Само небо послало тебя ко мне в этот трудный час! Ведь я иду по следу джиннов! Умоляю тебя, не стой, почтенный Соломон! Садись к огню!

Пламя осветило вошедших, и Злат увидел, что дело нешуточное. Соломон явился на постоялый двор в праздничном одеянии. Он был великолепен! Весь в белом. Особенно красив был большой полосатый платок с кистями, спадавший с головы на плечи. Наиб никогда не видел нагида таким нарядным. К чему бы это?

– Что за заботы привели тебя сюда в этот дождливый день?

– Заботы?! – воздел руки Соломон. – Какие заботы могли оторвать меня от дома молитвы в этот день? В день, когда любой благочестивый человек, чтящий Тору, просит Всевышнего вписать его на следующий год в книгу жизни?

– Сегодня праздник?

– Сегодня первый день нового, пять тысяч девяносто четвертого года. В этот день Бог судит весь мир. На небесах предопределяется доход каждого человека в наступающем году.

– Теперь я верю, что случилось нечто необычное.

– Необычное?! Страшное горе постигло твоего друга, бедного Касриэля!

Наиб, как был босой, вскочил ногами на холодный пол.

– Его увели нукеры Могоул-Буги!

– Как это случилось?!

Теперь Соломон не спешил. Довольный произведенным впечатлением, он не торопясь сел на лавку и спустил платок на плечи. При свете пламени сверкнули его яркие, словно накрашенные, губы.

– Утром мы, как положено, собрались в молитвенном доме. Народа было как никогда много, еле вместились. Приветствовали новый год звуком шофара...

– Чего?

– Рог такой... – сбился Соломон. – Для богослужений. Поздравили друг друга. Помолились. Касриэль заторопился домой. Он никогда не отличался излишним благочестием, но это простительно, ведь он стремился к своей семье. Я еще немного попенял ему на спешку, а он только пошутил: «Если бы ты видел, почтенный Соломон бен Давид, – на последних словах голос говорившего дрогнул, – какая рыба голова дожидается меня!» Не успел он это промолвить, как в дверь вошли воины. Я и рта не успел раскрыть. «Кто здесь меняла Касриэль бен Хаим? Ты пойдешь с нами». И схватили бедного Касриэля. Тот только и пролепетал: «В чем дело?» – «Ты обвиняешься в измене!» И лишь тут я опомнился. Зря, что ли, столько времени обивал пороги дивана-яргу? Почему, говорю, вы не сказали «именем великого хана»? По чьему повелению его уводят?

– А ты непрост...

– Мы, говорят, нукеры эмира Могоул-Буги, действуем по его приказу.

– Пайцзу показывали?

– Нет. Вообще больше ничего не сказали. Схватили бедного Касриэля и увели. Я, конечно, сразу во дворец. Там никого. Эмир уже отправился домой, стража сказала, что ты на постоялом дворе Сарабая. А я знаю, где этот двор? Помчался назад. Хорошо вот он, – Соломон кивнул на спутника, – знал. Это Альянак. Он шойхет – резчик. Мясник, по-вашему. У Сарабая часто скот хороший берет. Хозяин знает толк в этом деле. – Немного поколебавшись, он важно добавил: – Настоящий иудей должен есть только мясо животного, забитого по правилам. Знающим человеком.

– Хорошее правило, – одобрил Злат. – Видишь, помогло. – Он быстро надел сапоги. – Дай мне ненадолго мула. А то я своего коня расседлал. И подожди меня здесь.

Не дожидаясь ответа, наиб схватил плащ и выбежал во двор.

Касриэль был его старым приятелем. Он держал меняльную лавку на Красной пристани, куда приходили корабли с Бакинского моря. Со Златом они познакомились давно, когда тот был простым писцом-битакчи. Касриэль, как и Давид Багдадец, бежавший из Персии, делал на сарайском базаре первые шаги в новом для себя ремесле. И сразу угодил в ловушку, подстроенную неопытному меняле мошенниками и конкурентами, вовсе не обрадованными появлением еще одного рта. Обвинили в сбыте фальшивых денег.

Распутывал тогда эти козни Злат. Так и познакомились. Со временем Касриэль разбогател, обзавелся семьей и приобрел большой вес на Красной пристани и сарайских базарах. Высоко взлетел и Злат. В наибы самого эмира Сарая.

Произошедшее не укладывалось в голове. Какая такая измена? В какую историю влип жизнелюбивый толстяк и любитель покушать Касриэль, которого за порогом уютного дома интересовали только его контора и звон монет?

Ладный мул Соломона, казалось, обрадовался, превратившись в скакуна, и резво помчался по дороге, ведущей к заставе. Благо ехать было недалеко.

Мокнувшие под усиливающимся дождем, скучавшие караульные успокоили наиба: нукеры Могул-Буги из Сарая в сторону новой ханской ставки не выезжали.

– Если появятся, не выпускайте! – распорядился Злат. – И сразу пришлите за мной.

Значит, Касриэль в Сарае. Скорее всего, во дворе отца Могул-Буги эмира Сундж-Буги. Это совсем недалеко от ханского дворца. А стало быть, под властной рукой эмира столицы, которому и должен помогать в его многотрудном деле помощник-наиб. Могло быть хуже. Выехали бы нукеры со своим всадником за заставу, и ищи ветра в поле. В степи свои законы. Даже ханская власть достает не до всех укромных мест. Там, на вольном просторе, и насмешливое прозвище «князь ветра», которым обидно именуют по городским базарам всяких голодранцев, звучит совсем по-другому. Скорее зловеще, чем смешно.

Значит, нужно спешить. Пока эти князья ветра гуляют по сарайским улицам.

Злат даже не придержал мула, проскакав мимо постоянного двора Сарая. Любимец почтенного Соломона, видно, вдоволь едал ячменя, потому что нес своего нового наездника не хуже степного жеребца. Злат благодарно потрепал его по холке, когда они уже отъезжали от дворца.

Теперь даже мул благоговейно поджал уши. Наиб облачился в красный халат – символ власти, на шитой золотом перевязи красовалась дорогая сабля, а на грудь с плеча свисала золоченая табличка, украшенная императорским квадратным письмом, – пайцза. Даже сидя верхом на скромном муле, Злат выглядел грозно. Особенно во главе целой дюжины стражников из ханских гвардейцев.

Внимательный прохожий сразу заметил бы, что тетивы луков у них натянуты – готовы к бою. Значит, дело предстоит нешуточное.

Ехать было недалеко, но кощунственно постучать в ворота дома великого эмира Сундж-Буги, стоявшего возле самого Золотого Престола, не довелось. Уже в переулке наибу с почтительным поклоном перегородил дорогу долговязый подросток. Из-под шапки на его виски ниспадали локоны на еврейский манер.

– Касриэля повезли в сторону Красной пристани, – произнес мальчик без всякого приветствия.

– Ты кто? – удивился Злат.

– Меня послал рабби Соломон проследить, куда повезут Касриэля. А сам сказал, что поедет к эмиру. Они только что отъехали.

Времени на разговоры не было. За Красной пристанью лежала южная застава, проскочив которую всадники ушли бы туда, где власть эмира Сарая уже не казалась столь непререкаемой. К счастью, ехали они медленно – толстяк Касриэль, усаженный на лошадь, едва держался в седле.

Наиб сделал знак, и стражники, обогнав всадников, перегородили им путь, окружив со всех сторон. Часть встали поодаль, достав из саадаков луки.

– Именем великого хана, остановитесь! – зычно крикнул сотник.

– Мы нукеры великого эмира Могул-Буги! – огрызнулся тот, что, видно, был за старшего. Выглядел он моложе всех, но носил дорогой шитый золотом пояс.

Злат не стал подъезжать ближе. На малорослом муле ему пришлось бы смотреть снизу вверх на этого напыщенного юного фазана, не сомневающегося в своем превосходстве. Поэтому наиб вызывающе рассмеялся в ответ на его надменные слова. Тем более что разглядел: никакой пайцзы на груди у нахала нет.

– С каких это пор эмир Могул-Буга стал великим? Новости долго доходят до нас?

– Я обязательно передам ему твои слова! – дерзко бросил юноша.

Злат сделал сотнику знак рукой.

– Несчастный! Перед тобой наиб эмира Сарая! – И добавил: – А чтобы до вас быстрее дошло, кто это, приказываю всем спешиться!

На миг все затихли в растерянности. Наиб погладил рукой табличку на груди:

– Это пайцза великого хана Узбека, да продлит Вечное небо его царствование. Здесь написано: «Кто не повинуется – умрет». А приказ я уже отдал.

Злат резко вскинул руку, и стражники наставили копья на всадников. Те схватились было за сабли, но гвардейцы прицелились в них из луков.

– Вы проживете ровно столько, сколько я держу поднятой руку, – зловеще предупредил наиб. – А я быстро устаю.

Всадники спешили. Один Касриэль с недоумением пыхтел в седле.

– Мне сказали, что этот человек обвиняется в измене?

– Да! И тот, кто мешает его задержать, будет обвинен тоже.

– Покажите мне этого мерзавца! – насупил брови наиб. – Я немедленно спущу с него шкуру своею властью! – Он снова, словно невзначай, погладил пайцзу. – Я с большим уважением отношусь к словам эмира Могул-Буги. Надеюсь, когда-нибудь он действительно станет великим. Если ему не помешают не в меру ретивые слуги. Которые забывают, – Злат повысил голос, – что над этой землей есть только одна власть. Она дарована Вечным небом великому хану Узбеку. А мы, его верные слуги, должны лишь преданно и исправно исполнять его волю. В Богохранимом Сарае волю Вечного неба блюдет диван-яргу. А следит за этим поставленный великим ханом эмир. Почему вы творите здесь все, что хотите, будто в собственной конюшне?

Юноша хотел ответить, но Злат перебил его:

– Прибереги слова для тех, кому они нужнее! Завтра ты их скажешь яргучи в диване. Из уважения к эмиру Могул-Буге я не задержу вас. Надеюсь, вы придете сами. А вот задержанного вами преступника я возьму под стражу. Он тоже завтра будет в диване-яргу. Возможно, если вы не появитесь, он захочет подать жалобу на незаконное задержание.

Знаком показал, что разговор окончен, и демонстративно повернул мула задом к слушателям. Один из стражников схватил повод коня, на котором сидел Касриэль. Нукеры Могул-Буги не шелохнулись.

– Говорят, Касриэль, тебя ждет рыбная голова? – спросил Злат, когда они отъехали.

Все произошло так быстро, что еврей не успел опомниться. Но жизнелюбивый нрав уже брал свое:

– В первый день нового года нужно обязательно съесть рыблю голову. Чтобы весь год быть в головах, а не в хвосте.

– Тогда тебе придется кого-нибудь послать за ней. Хочешь не хочешь, а до завтра будешь сидеть под стражей. – Злат рассмеялся. – О страже тоже позаботься. Ведь охранять тебя буду лично я. С парочкой стражников на всякий случай. А узилищем твоим станет постоянный двор Сарабая. Там нас как раз дожидается сам Соломон бен Давид. Ты узнаешь его мула?

– Бедный Соломон! Чем ему приходится заниматься в такой день!

– Он сделал доброе дело. Будем надеяться, Всевышний спишет ему за это хотя бы часть грехов. Ведь именно об этом полагается сегодня молиться?

– Не только сегодня. Начинается время, которое называется Днями трепета. Десять дней человек должен молиться и каяться. В эту пору на небесах выносятся решение: кому – жить, а кому – умереть.

IX. Венгерское вино

Злат отпустил караул, оставив только двух стражников покрепче. Мало ли что взбредет в голову не в меру горячим и заносчивым посланцам молодого волчонка Могул-Буги? Он хоть и ходил пока под рукой отца, старого Сундж-Буги, но уже давно готовился принять начало над могущественным родом кунгратов. С недавних пор, после того как его сестра Тайдула стала любимой женой хана Узбека, род этот стал забирать все большую и большую силу.

Сразу встал перед глазами сердоликовый перстень Кутлуг-Тимура. Кому его должна была показать эта красавица-ведьма из тайных лесных убежищ? Сундж-Буге, брату отца? Ведь к нему по древнему закону степи перешли после исчезновения мужа жены Кутлуг-Тимура. И даже дети теперь считаются детьми Сундж-Буги.

Злат покосился на Касриэля, довольно нелепо смотрящегося в своем праздничном белом платье и платке с кистями верхом на степном скакуне. Он-то в этой истории каким боком? Да еще обвиняемый в измене. Такими обвинениями просто так не бросаются.

Ехавшие позади всадники были явно довольны. Чем сидеть всю ночь в караульной при дворце, да еще и объезжать под дождем по темным улицам городские заставы, лучше греться у очага на постоялом дворе. Где для верных слуг великого хана всегда найдется и кусок лепешки с мясом, и кувшин с чем-нибудь горячим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.